

ИСТОРИЧЕСКАЯ АДВЕНЧУРА

АСТЕКИ

КИРИЛЛ КИРИЛЛОВ

ЗЕМЛЯ ЯГУАРА

Кирилл Кириллов
Земля ягуара
Серия «Земля ягуара», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571335
Земля ягуара. – СПб.: ИК «Крылов», 2010: Крылов; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-4226-0051-9

Аннотация

Есть предложения, от которых невозможно отказаться. Особенно, если они исходят от царя.

И вот двое пускаются в путь. Одного, Романа, принудили к этому шантажом, взяв в заложницы мать. Царь Василий III, отец Ивана Грозного, никогда не стеснялся в средствах, когда речь шла об интересах государства. Интересы же тут прямые – отец Романа готовится стать губернатором на Кубе, а России уже пора распространить свое влияние на земли по ту сторону океана, пора уже соперничать с другими великими державами. Второго, Мирослава, посылают телохранителем Романа – ведь мало кто может сравниться с ним в кулачном и сабельном бое.

Путь не близок. Почитай, через весь земной шар. И вот чего не ждет героев, так это легкой прогулки. Они еще не знают, куда заведут их поиски отца Романа. А заведут они очень далеко. К тому же по их следу идут те, кто кровно заинтересован, чтобы герои не добрались до цели живыми...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кирилл Кириллов

Земля ягуара

Глава первая

Город просыпался. В маленьких окнах, затянутых мутными бычьими пузырями и заиндевелыми листьями слюды, затеплились робкие огоньки. К сереющему небу потянулись беледые дымки. Кочеты расправили крылья, пробуя хриплые голоса. Загремели цепями огромные сторожевые псы, опуская влажные носы к пустым мискам.

Мальчик открыл глаза. Сквозь щели в деревянном настиле сочился мутный утренний свет. Вместе с ним проваливались в его убежище крупные злые снежинки. Они падали на дерюгу, которой был укрыт мальчик, и медленно таяли, оставляя на ней темные разводы.

Он поежился, натянул на голову мерзлую ткань и попытался дыханием разогнать утренний озноб. Теплее не стало, но ледок, схватившийся за ночь, начал оттаивать и потек мутными ручейками. Надо подниматься, иначе скоро все тряпье, две недели назад бывшее добротным костюмом, заледенеет на пронизывающем ветру.

Мальчик передвинулся на сухое место, стер со лба липкий ночной пот, протер кулачками заспанные глаза и, стараясь не касаться сырых досок, выглянул во дворик, заваленный сломанными тележными колесами. Никого.

Он вылез из своей берлоги, посмотрел на хмурое небо, втянул тонкими ноздрями кисловатый дух свежего теста и грустно вздохнул. Удастся ли ему сегодня поесть или опять придется баюкать урчащий желудок мыслями о героических походах и рыцарях, мужественно выносящих лишения?

Шаги?! Нет, показалось. В амбаре, под черным крыльцом которого он устроил себе спальню, столовую и комнату для раздумий, люди пока не появлялись. И во двор никто не входил. Но сколько это будет продолжаться? День? Три? Неделю? Месяц? А может, уже сегодня пополудни его сонного вытянет на свет божий какой-нибудь огромный бородач?..

Неловко повернувшись, мальчик зацепил плечом какие-то доски. Они с тихим скрипом сползли по стене и глухо бухнули о холодную землю. Ребенок замер, наострил: не разбудил ли кого? Вроде нет – даже цепной пес за забором не залаял, хотя часто принимался брехать на звуки и запахи, доносившиеся с соседского двора.

С трудом согнув ноги в коленях, мальчик вытащил из-под крыльца большой мешок, умыкнутый у зазевавшегося мукомола, несколько пестрых тряпок, надранных из шали, которую кто-то неосторожно вывесил на веревку в одном из богатых дворов у реки. И меч!

На второе утро он разглядел под грудой досок половину обруча от бочки, дождавшись вечера, унес находку под крыльцо и, стараясь не шуметь, выпрямил полоску камнем. Добившись почти идеальной прямизны, юный умелец обточил о шершавый фундамент кончик и верхнюю треть лезвия, обмотал нижнюю часть галуном, оторванным от камзола, и получил меч, довольно увесистый для его руки. Им можно было отпугнуть облезлых псов, стаями бродивших по заледенелым улицам и грызшихся на кучах отбросов, наваленных прямо у ворот. Такие вполне могли напасть на одинокого ребенка. Да и против людей меч вполне мог сгодиться. Не убить, конечно – отпугнуть. Он подумал, что папа гордился бы таким сыном.

При мысли об отце, оставшемся за многие тысячи лиг¹ отсюда, его глаза затуманились, а пальцы крепче вцепились в обмотку рукояти. Папа... Такой добрый, такой сильный. Всегда уверенный в себе, всегда с улыбкой под тонкими усиками, всегда рад подхватить сына

¹ Старинная испанская мера длины, равная в среднем около 5,6 км.

на руки и подкинуть к потолку, всегда готов обнять маму... Мама... Горячие слезы предательски набухли в уголках глаз.

Мама! Почему ты оставила меня одного? Куда ты делась? Почему не вернулась к карете? Неужели ты, такая ловкая и смелая, не смогла убежать от тех огромных бородатых людей, воняющих сивухой? Мама. Не верю, что они тебя убили. Ведь это не твоя кровь была на пальцах той руки, которая срывала атласные занавеси, пытаясь добраться до моего горла? Чья угодно. Ветеранов, воевавших во Фландрии под началом отца и посланных охранять нас в долгом путешествии на север. Увальня-воспитателя. Коней. Но не твоя. Правда, мама?

Мальчик почувствовал, что сейчас разрыдается в голос, и одернул себя. Он мужчина. У него нет права плакать. Так учил его отец. А еще он учил не бросать родных и друзей в беде и всегда доводить дело до конца.

Если бы папа был здесь, то он на следующий же день отыскал бы маму, проткнул рапирой злодеев и увез бы семью в белый дом на взморье. К теплу, вкусной еде и любимому мулу, на котором так здорово скакать по горной дороге навстречу солнцу, а вечером мастерить из палочек арбалет или кораблик и слушать, как мама поет длинные грустные песни под негромкий перебор гитары.

Но раз папы рядом нет, а дом далеко – ребенок вздохнул, – значит, надо оставить мечтания и брать дело в свои руки. И что с того, что ему всего одиннадцать?! Спасать маму и наказывать обидчиков за него никто не станет.

Заранее сморщив нос, мальчик встряхнул пыльный мешок, накинул его на плечи, просунул голову в специально расковырянную дырку, а руки продел в отверстия, сделанные в распоротом зубами боковом шве. Подпоясался отодранным от камзола галуном и расправил складки, набросил на густые черные кудри самый чистый обрывок платка, на ноги прямо поверх сапожек намотал два других куска, погрязнее, и подвязал их вокруг лодыжек еще одним шнурком. К поясу под накидкой этот хитрец привесил веревочную петлю, сноровисто, даже с некоторым изяществом вставил в нее меч, проверил все узлы и подпрыгнул несколько раз, дабы убедиться, что ничего не выпадет и не оторвется. Амуниция сидела идеально, насколько это вообще было возможно. Улыбнувшись, он подошел к ограде, подскочил, схватился за верхний край и перевалился на улицу, которая неприветливо кинула ему в лицо ком мокрого снега и предательски выдернула из-под ног скользкую деревянную мостовую.

Мальчик с трудом удержался на поехавших ногах и оглянулся украдкой. Не заметил ли кто его позора? Но в этот ранний час на улице никого не было, и горе-путешественник двинулся вниз по извилистой улице. Он шел к крепости, вокруг которой вырос город.

Уворачиваясь от комьев промерзшей земли, которую выбрасывали из неглубокого пока рва каторжные с рваными ноздрями, мальчишка добрал до белокаменной стены. По узкой улице, уставленной многочисленными молельнями с тусклыми маковками и невеликими крестами, он добрался до узкой глинистой речки и уже собрался перейти реку по шатким мосткам, как заметил человека, сидящего у стены человека.

Бородатый мужчина с мутным взором, одетый только в широкие шаровары, сидел прямо на стылой земле. Вокруг него витал крепкий сивушный дух. Заслышав шаги, он поднял голову и, сощурившись, уставился на мальчика:

– Шубу соболью пропил, капу² бобровую пропил, сапоги сафьяновые пропил, даже армяк – и тот пропил, а крест нательный – ни-ни! – Он зажал в кулаке и поднял над головой литой серебряный крест размером с донце горшка.

Ничего не поняв из бессвязной речи, мальчик протиснулся мимо пьяного и прибавил ходу. Станные они тут! Если человек хворый или ушибленный, так мимо пройдут, даже не обернутся. А если пьяный – так со всем почтением. Из снега вынут, из грязи. Домой

² Шапка.

доставят. Денег дадут, чтоб поутру выпить еще – как тут говорят, «на опохмел». У него на родине такого никчемного человека выгнали бы из деревни или просто бросили бы в реку, отбив палками внутренности.

Мальчик подумал, что странные люди живут в этих землях. Совсем другие. Вон за рекой на лугу вполне взрослые уже парни, некоторые даже с усами, гоняются за молодыми девками, хватают за косы, срывают платки. Те визжат, убегают, но не из боязни быть опозоренными, а вроде как подзадоривая, отбегают, потом опять насккивают. Если удастся догнать и уронить одного из пристававших в липкую жижу, девки заливаются неприличным раскатистым смехом. На его родине отец или брат девицы непременно вызвал бы нахала на поединок и проткнул насквозь, а легкомысленную особу засадил бы в комнату. На хлеб и воду. Без права выхода на балкон. И заставили бы всю неделю по сто двадцать раз на дню читать *Pater noster*³.

Перейдя шаткий мостик, мальчик оказался перед воротами рынка, криво сколоченными из свежеструганных белых бревен, истекающих ядреной смолой. А вот забор, тянувшийся вправо и влево, сколь хватало глаз, был черен и гнил. С трудом подавив желание дернуть за длинный свисающий ус часового в кожаном нагруднике, кемарившего в деревянной будке, он проскользнул за ворота и погрузился в толпу.

К этому времени почти все лавочники уже выставили свой товар и громко расхваливали его на все лады, зазывая покупателей. Некоторых, что на вид побогаче, они хватали за полы длинных красных кафтанов и дорогих шуб и, призывно голоса, тянули в лавки. Те отпихивались, грозили пудовыми кулаками или плетками-многохвостками, выразительно бросали руки на эфесы сабель, но дальше угроз дело не шло.

Тоже загадка. Попытайся у них на родине какой торговец ухватить за полу благородного дона, мигом оказался бы в канаве с разбитым носом, потому как не марают о простолюдинов благородную сталь. А эти только ругаются. Витиевато, но беззлобно.

Еще неделю назад мальчик не понимал ни слова из этого варварского языка, но теперь слегка освоился и знал, что сом – это огромная рыба, шевелящая длинными усами в рыбном ряду. Квас – тягучий, играющий в носу пузырьками напиток, а пирог – такой вкусный комочек перемолотого мяса, запеченный в тесте.

Пироги добывать было легче всего. Достаточно подкрасться к прилавку следом за каким-нибудь покупателем, охочим поторговаться, притворившись, будто помогаешь взрослому. Слово «слуга» паренек не мог произнести даже про себя! Пока идет торг, надо сделать быстрое, почти неуловимое движение рукой. И вот уже теплая добыча, источающая аппетитные запахи, припрятана под накидкой, а резвые ноги уносят ее за многочисленные палатки и сараи.

Его еще ни разу не ловили, но иногда не везло. Пироги попадались с какими-то распаренными скользкими корнеплодами – редкая гадость, а иногда и с требухой. Пахли они почти так же, как мясные, да и на вкус, наверное, мало отличались, но от вида синеватых прожилок на изломе его выворачивало наизнанку.

Тонкие точеные ноздри мальчика уловили разносимый ветром крепкий мясной дух и запах свежей сдобы. Тело взмолилось о еде, горло перехватил голодный спазм, рот наполнился слюной. Нет, успокоил он себя, не сейчас. Сначала надо посмотреть, что тут и как, наметить пути отхода, да и вообще оглядеться.

Поправив накидку, мальчишка двинулся к площади, где высился столб с привязанными к нему ленточками и гудела толпа. Судя по крикам и улюлюканью, на вытоптанном в центре круга давали представление заезжие актеры.

³ Отче наш (лат.).

Протиснувшись сквозь грубые холщовые штаны и толстые зимние юбки, ребенок остановился в первом ряду. За веревочкой, натянутой в качестве ограждения, прохаживался худой Арлекин в однорогом колпаке с бубенчиком. Высоким, резким голосом он безостановочно шутил, причем довольно скабрёзно, судя по хохотку мужчин и густому румянцу на щеках женщин. Иногда, не замолкая, этот человек вставал на руки и проходил так с десятков пальмо⁴.

Потом он завертелся на месте колесом под звон собственных бубенчиков, иногда замирал, встав на одну руку и циркулем растопырив худые мускулистые ноги. В такие моменты зрители ахали особенно громко.

Чуть поодаль огромный голый по пояс детина с гладко выбритой головой и длинными висячими усами уже явно не в первый раз поднимал обтесанный под кругляк камень. Мышцы на его плечах бугрились почти такими же шарами, а зрители, все как один низенькие и плюгавые, смотрели на атлета с восторгом.

Прямо под столбом примостился большой кукольный ящик. На доске деревянно-тряпичная копия Арлекина с противно дребезжащим бубенцом колотила толстенным посохом куклу, изображающую благородного человека, одетого в богатый красный кафтан и горлатную шапку. Повинуясь воле невидимого кукловода, благородный стонал, покряхтывал, сгибался в три погибели и просил *gracia*⁵. Арлекин наседали и отвешивал смачные удары, а почти точные копии избиваемого смеялись перед сценой, разевая рты и хватаясь руками за сытые бока. Если бы у него на родине кто-то позволил себе такое надругательство над честью и достоинством сеньора, то его наверняка уже били бы кнутом на площади. Конечно, если городская стража успела бы добраться до него раньше оскорбленных зрителей.

Хватит глазеть! Пора. Надо было двигать в сытные или, как их иногда звали, обжорные ряды. Мальчик ввинтился в толпу, свернул за угол и дошел до выстроившихся в жиденькую линию палаток старьевщиков, где продавались гнутые гвозди, одинокие башмаки, обрывки ткани и другой мало кому потребный хлам. Место было неприятное, и он поскорей свернул к частоколу, отгораживающему покупателей от высокого обрывистого берега. Некоторые бревна вывалились, и в гнилозубых просветах серебристо поблескивала лента реки.

Зовут кого-то! Его?! Кажется, да. Определенно его. Только кто? Странно, ничего плохого он сделать не успел, во всяком случае сегодня. Ах, вот кто! Он разглядел в одном из провалов бегающие глаза. Худая бледная рука на миг вынырнула из подзаборной тени и призывно махнула ему.

Это не сулило ничего приятного. Такие призывы заканчиваются всегда одним и тем же. Подойдешь – побьют и отберут все, что у тебя есть, побежишь – догонят и все равно отберут, а побьют сильнее. «Да и кто они такие, чтобы подзывать его, как мавританского раба?» – плеснулась под черепом гневная мысль.

Вскинув подбородок, мальчик двинулся дальше, всем видом показывая, что не заметил жеста, но не успел сделать и дюжины шагов, как на его плечо легла рука. Легкая, не взрослая. Одним движением он скинул ее и нарочито медленно обернулся. Перед ним стояли трое. Хоть и дети, но старше него, года, может, на три. Землистые лица, мосластые руки торчат из коротких рукавов. Двое смотрят недобро, третий как будто сквозь, неприятно ухмыляясь одной стороной щербатого рта. Словно настоящие бандильерос с большой дороги. Мальчик поежился под накидкой, ставшей вдруг не по размеру большой.

Щербатый заговорил. Слов не понять, но и так ясно. Знает ли он, что тут таким ходить нельзя? А если хочет ходить, то должен заплатить дань, или будет бит и выкупан в реке. Во все времена, во всех странах старшие пристаю к мелюзге одинаково.

⁴ Старинная испанская мера длины – 0,74 м.

⁵ Пощада (*исп.*).

Главарь закончил и требовательно протянул руку. Мальчик затравленно оглянулся. Бежать бессмысленно. В толпе он еще мог бы затеряться, но не здесь, на окраине, куда редко забредают покупатели. Помощи ждать неоткуда. Только несколько торговцев с каким-то животным интересом на постных физиономиях следят за приближающейся расправой. Видимо, такие представления тут не в новинку и пользуются немалым успехом.

Один на один он, может быть, и смог бы выстоять. Даже против вожака. Но трое – это много. Он опустил голову и отступил, моля Святую Деву Марию защитить его от варваров. Но Дева, видимо, была занята своими делами и на его молитвы внимания не обратила. Грязная, пахнущая дегтем рука ткнулась ему под нос, сгребла ворот, потянула. Обмотанные тряпками сапожки поехали по грязи. Высоко над головой поднялся тяжелый кулак, закрывая полнеба.

Почти ничего не соображая от страха и отчаяния, мальчик зажмурился, закусил губу и с размаху пнул обидчика. Носок сапога попал во что-то мягкое, податливое. На секунду вселенная замерла, потом разразилась странным полухрипом-полуписком, и чужие пальцы разжались. Мальчик увидел, как медленно, словно во сне, оседает на сырую землю щербатый, баюкая ушибленный пах. Второй подросток неловко скакнул вперед, вытянув руку. В кулаке темнел заточенный и обожженный сучок.

Отпрыгнув в сторону так, чтоб между ним и противником остался барахтающийся в грязи щербатый, мальчик выдернул из-под накидки меч, выставил перед собой тускло блеснувшее лезвие и для верности подхватил его второй рукой. Вошедшего в раж подростка это не остановило. Он перескочил через стонущего предводителя, и мальчик тут же с силой опустил клинок на его запястье. Сук вылетел из скользкой от пота ладони и рыбкой скользнул под какой-то прилавок. Двинув лезвие вперед, мальчик глубоко вогнал острие чуть повыше локтя. Кончик глухо стукнулся в кость. Парень заорал и повалился на поднимающегося из грязи главаря, увлекая его обратно. По серому ноздреватому снегу расплылось багровое пятно.

Над ухом победителя раздался женский крик. Кто-то из торговцев, кряхтя, полез через прилавок, явно намереваясь вмешаться в кровопролитие. Дуря от страха и запаха свежей крови, мальчик развернулся и бросился наутек, даже не заметив, как улепетывает в другую сторону третий, не пострадавший бандит.

Он не помнил, как добежал до ворот. Окружающий мир вернулся к нему, только когда остались позади светлые деревянные столбы. Он услышал пение птиц, скрип телег, далекий гул ярмарки. Сердце тяжело опустилось на свое место откуда-то из горла. Кто вообще придумал эту ерунду про сердце, уходящее в пятки? Сердце всегда взлетает вверх, забивая горло и норовя выскочить изо рта.

Мальчик огляделся. Усатый стражник так же дремал в покосившейся караулке. Через ворота то и дело проходили ярко одетые мужчины с поясами, подвязанными над округлыми животами, и серые, невзрачные простолюдины, сгибающиеся под тяжестью мешков, кулей и ящиков. Щебетали о чем-то тоненькие барышни и дебелие матроны. Скрипели несмазанными осями открытые колесные экипажи с надставленными бортами. Летели над рынком крики зазывал. Густые запахи пеньки и дегтя мешались с тонкими ароматами азиатских пряностей. Звенели крики чумазных ребятишек.

Он только что чуть не убил человека, а ничего вокруг не изменилось. Никто не смотрел на него искоса, никто не тыкал пальцем и не кричал «ассасино», не призывал обмазать смолой и вывалить в перьях или накинуть на шею гарроту. Похоже, здесь человеческая жизнь ничего не стоила и важна была, дай бог, родственникам и близким друзьям. Что ж, теперь это и его законы. По крайней мере, до тех пор, пока он не найдет маму. Мальчик одернул накидку, отбросил с белого лба черные волосы и, стараясь сдерживать дрожь в руках, двинулся на запах еды.

Обжорные ряды встречали покупателей парящими кусками мяса, тушами свиней и коров, деревянными бочками и корытами, в которых плескалась живая рыба, бадьями со странными омарами, маленькими, но клешнястыми, как крабы, безголовыми курами и битой дичью. Продавцы, как один здоровые, кровь с молоком, с закатанными выше локтей рукавами, громко расхваливали свой товар. Они руками вылавливали рыбу из кадушек, сноровисто, с хеканьем, вырубали топориками понравившиеся покупателям куски и совали их прямо под нос, вздымая тучи перьев, размахивали тушками рябчиков и перепелов. Над всем этим мясным великолепием уныло роились осенние мухи. Мясные ряды мальчика не интересовали. Даже если удастся стянуть с лотка кусок мяса, сырым его не сжевать.

Дальше румяные пухлые женщины, до бровей закутанные в теплые платки, продавали молоко, странный рассыпчатый сыр, который они называли «творог», и сметану – прокисшее молоко, непонятным образом доведенное до густоты андалузского гаспачо. За товаром они следили внимательно, но смотрели на черноволосого обтрепанного мальчугана с жалостливым интересом. Наверное, если бы он попросил или хотя бы просто остановился и взглянул на еду голодными глазами, какая-нибудь сердобольная торговка дала бы ему немного. Но попрошайничать потомку испанского дворянина даже в голову не приходило.

Чуть дальше мальчик едва не налетел на странного типа – продавца пряников. Это был высокий сутулый человек с холодными голубыми глазами над крючковатым носом и с черными волосами, обрамлявшими длинное бледное лицо. Кутаясь в какую-то дерюгу, он стоял чуть в стороне от гудящей толпы, выставив в проход висящий на шее ящик с товаром. Торговец не кричал и товар свой не расхваливал, иногда пронзая толпу таким колючим взглядом, что, натываясь на него, люди шарахались в сторону. Завидев этого человека, мальчик пригнул голову и юркнул в толпу. Почему-то ему очень не хотелось, чтоб странный продавец обратил на него внимание.

А вот и пироги, разложенные на деревянных поддонах. Румяные, как новорожденные поросята, и бледные, как брюшки уклеек. Большие и маленькие, круглые и продолговатые. Разных форм и размеров. С цветочками и причудливыми тестяными косичками по верхнему краю. Исходящие аппетитным парком и холодные, как сердце протестантского патера.

Мальчик схватился за урчащий живот и затаился в тени приземистого лабаза. Он боялся, что уже примелькался местной публике и кто-нибудь может связать его появление с исчезновением очередной порции снеди. Но голод был сильнее опаски.

Вот и подходящий покупатель. Раздвигая толпу сытым животом, как огромный бык раздвигает грудью стадо овец, он важно шествовал по ярмарке, занимая собой почти весь проход. Встречные спешили свернуть в сторону, а кто не успевал, жались к лоткам, вызывая недовольные крики торговцев.

Следом за представительным мужчиной брели два дюжих молодца. Один, высокий, в красном кафтане и щегольской охотничьей шапке с белым пером над ухом, нес в руках рулон каких-то свитков. Слева на поясе у него болталась чернильница, справа – короткий кривой меч в простых ножнах с латунной обивкой. Второй, приземистый, с не единожды ломаным носом, словно облитый кольчугой с круглыми бляшками на груди, поигрывал плеткой-нагайкой. Его голову, утопающую в холмистых плечах, венчал железный обод со стреловидным наносником.

Высокий то и дело отставал, подходя то к одному, то к другому торговцу. Тот, лебезя и заискивая, что-то суетливо совал ему в ладонь. Этот человек раскатывал один из свитков, доставал гусиное перо, быстрым росчерком делал какую-то пометку и, подбирая полы кафтана, догонял процессию. Все торговцы с преувеличенным вниманием следили за его действиями.

Мальчику это было на руку. Он нашел прикрытие, наметил цель – аппетитный пирог с лебедем, искусно вырезанным из теста и запеченным на верхней корочке. Оставалось улучшить момент.

Пузатый, не повернув головы, миновал заветный лоток – вот незадача! – а худой скользким гадом юркнул к прилавку, замер со сложенной лодочкой ладонью, а потом медленно и недоуменно опустил ее. По его хитроватому востроносому лицу медленно, как густая патока, разливалось удивление, смешанное с раздражением. Он что-то сказал торговцу, невысокому краснолицему детине с окладистой рыжей бородой и паклей светлых волос. Тот отрицательно помотал головой и рубанул воздух ребром ладони. Удивление и недоумение покинули лицо высокого человека, на нем осталось только раздражение. Он засунул два пальца в рот и свистнул пронзительным разбойничьим посвистом. Крепыш в кольчуге остановился, развернулся на каблуках красных кавалерийских сапог с поднятыми носами и вразвалочку зашагал обратно. Ни слова не говоря, он протиснулся за прилавок и толкнул продавца в грудь рукояткой плетки. Тот оступился, качнулся назад и исчез за беспорядочно наставленными тюками. Послышались несколько глухих ударов, стоны, мольбы. Все замерли, вперив глаза в злополучную лавку, понимая, что происходит, и гадая, чем это кончится.

Мальчик метнулся к пирогу, но не добежал. Он застыл с открытым ртом прямо посреди прохода под острым взглядом писаря.

Тот улыбнулся, поведив рукой над лотком, выбрал пирог, помял в пальцах и брезгливо бросил обратно. Взял другой. Тоже помял, понюхал, откусил и стал медленно жевать, прислушиваясь к звукам, доносившимся из палатки, но глядя мальчику прямо в лицо. Нехорошо ухмыльнувшись, он спросил что-то, указывая глазами на лоток. Суть вопроса мальчик не понял, но интонации были незлобные.

Улыбнувшись, мужчина в красном кафтане протянул мальчику остатки недоеденного пирога. Голод сам подбросил руку навстречу еде, но мальчик усилием воли заставил себя остановиться. Будь он хоть трижды голодным!..

Кажется, высокий человек верно оценил всю гамму чувств, отразившуюся на юном лице. Он улыбнулся, не глядя, снял с лотка другой пирог и протянул его мальчику. Тот выхватил его из длинных пальцев, заляпанных сажевой тушью, и прижал к груди. Мужчина захохотал, закинув голову и дергая большим кадыком, снял с лотка еще один пирог и снова протянул. Мальчик приблизился и протянул грязную ладонь, на этот раз уже без опаски.

Сильный удар чуть не опрокинул его на землю. Челюсти клацнули друг о друга, как кастаньеты. Едва устояв на ногах, он недоуменно уставился на писаря. Тот снова хохотал, запрокинув голову и отряхивая с пальцев остатки начинки.

Лицо мальчика стало наливаясь багрянцем стыда и ярости. Что делать? Бежать? Броситься на обидчика и вцепиться ему зубами в щеку, непременно в щеку, чтоб оторвать от костей отвратительную ухмылку?!

Высокий человек взял еще один пирог и опять протянул его мальчонке. Тот напрягся, как загнанный в угол зверек. Немногие торговцы, не успевшие убраться от греха или побожавшиеся оставить товар, затаили дыхание. Пирог приближался. Еще немного, и он ткнется ему прямо в нос. Уловив момент, мальчик нырнул под протянутую руку, выхватил пирог и, втянув голову в плечи, метнулся в сторону. Рука, нацеленная в его ухо, чуть взьерошила волосы. Писарь с досады крикнул. Из рядов раздался смех, кто-то заулюлюкал. Прижимая к груди добычу, мальчишка бросился наутек.

На этот раз он бежал расчетливо, петляя между людей и все время сворачивая в боковые проходы. Остановившись у ворот, немного отдышавшись и убедившись, что погони нет, он рассмотрел и обнюхал два еще теплых пирога.

Один, круглый, был – *acierto!*⁶ – с мясом. Второй, продолговатый, – с яйцом и какой-то вонючей зеленью. Не так плохо. Завтрак и обед за одну затрещину. Быстро поблагодарив Деву Марию за ниспосланную еду, он в одно мгновение запихнул вонючий пирог за щеки, а вкусный аккуратнo засунул за пазуху, чтоб тот грел его снаружи.

С рынка пора было выбираться. Он успел нажить себе врагов за те несколько часов, которые тут сегодня провел. Высокий писарь, скорее всего, и не будет за ним гоняться, много чести, но побитые подростки порвут его на части и утопят, если найдут. Кстати, опасность подстерегает его не только здесь. Город не такой уж и большой. Вокруг его укреплений часа за четыре можно обойти, поэтому на глаза случайно попасться легче легкого.

Мальчик выскользнул за стену и двинулся к западным воротам, в ту сторону, где, уткнувшись передком в канаву, застыла развороченная карета. «Только бы мама вернулась», – думал он. Тогда они найдут другой экипаж и поедут обратно к папе. А в пути он достанет из-под накидки свою Коладу⁷, получившую боевое крещение, и разрубит пополам любого, кто осмелится к ним подойти.

Он погрузился в лабиринт кривых вертлявых улочек, стараясь не очень отклоняться от выбранного направления. Здесь, вдали от центра, приходилось смотреть под ноги особенно внимательно. Горожане не брезговали выбрасывать прямо на мостовую очистки, объедки и содержимое ночных горшков.

За земляным валом, уставленным связками заостренных кольев, город заканчивался. Нескончаемым потоком шли в столицу груженные телеги, обшарпанные кареты, ехали богато одетые всадники, ремесленники со связками инструментов, пейзаны с плодами, выращенными на своих огородах. За ворота вытекал узенький ручеек людей – ограбленных, проигравшихся в кости, упившихся генуэзской водкой, оставшихся без денег и даже сапог. Были здесь и другие серые угрюмые личности, не сумевшие найти своего места в богатой, но неласковой столице.

Сверху, с земляного вала на путников сурово взирали черными глазами две небольшие цельнолитые бомбарды. В воротах толкалось десятка два стражников, разномастно одетых, с бердышами и копьями наперевес. Иногда они останавливали кого-нибудь из путников и устраивали ему пристрастный досмотр, в ходе которого у обыскиваемого что-нибудь да пропадало – пара беличьих шкурок, монеты или съестной припас. Чаше люди покорно принимали свою участь, но иногда кто-нибудь по неопытности или горячности начинал скандалить. Тогда его отводили в сторону и показательно били. Ногами. В назидание остальным.

Поскольку уходящие оборванцы стражу абсолютно не интересовали, мальчик без приключений выскользнул за городскую черту и ускорил шаг. Солнце перевалило за полдень, а в город нужно вернуться до того, как закроют ворота, иначе он просто замерзнет где-нибудь в снегу.

За пригнутыми к земле, но не срубленными деревьями – на Руси это называлось «засеки», – в которых запуталась бы не только татарская конница, но и германская пехота, начинались загородные усадьбы. Это были настоящие крепости, способные выдержать и яростный приступ, и длительную осаду. Дворы были обнесены каменными или деревянными стенами с узкими бойницами и небольшими стрелковыми башенками по углам. Ворота закрывали деревянные створки, обитые бронзой или медью. Над стенами виднелись добротные крыши, колыхались на промозглом ветру голые яблоневые ветви и лениво порывали сытые волкодавы. За особняками справа и слева от дороги потянулись распаханые поля, а за ними терял последние листья мрачный лес.

⁶ Удача (*исп.*).

⁷ Меч из «Песни о Сиде».

Мальчик свернул с многолюдного тракта на разъезженный проселок и двинулся к заветной поляне.

Большие черные птицы скакали по полю, поблескивая иссиня-черными перьями и то и дело оглядываясь на него круглыми зеркальными глазами. Иногда они, как курицы, принимались раскапывать землю крепкими клювами и голенастыми лапами, доставая из нее то вяло извивающихся червяков, то молодые светло-зеленые побеги, похожие на пшеничные. Мальчик еще раз удивился глупости местных варваров. Зачем засевать пшеницу в преддверии холодов, ведь ростки неминуемо замерзнут? Хотя... Ведь не совсем же они *locos*⁸, наверное? Есть в этом какой-то смысл? Надо будет спросить папу.

Вот и то самое место. С одной стороны – небольшой лесок, с другой – склон, поросший густым кустарником. Наверное, там и стояла бомбарда, выпустившая заряд, который смел с козел кучера и одного из ветеранов-охранников. Вот отсюда на растерянных путников набросились злобные люди с топорами в руках. Видение пришло помимо воли.

Что-то гроыхнуло. От страшного удара карета заходила ходуном. Передняя стенка с хрустом вывернулась внутрь, каменный шар размером с головку младенца закрутился на полу, наматывая на себя обивку. Брызнуло водопадом осколков венецианское зеркало. Запалошно заржала лошадь. Еще раз гроыхнуло, и карета, подпрыгнув, как раненый кабан, припала на передние колеса. С треском рухнул карниз тяжелой бархатной портьеры. Ременные рессоры заскрипели под чьей-то тяжестью. По крыше загрохотало, посыпались в грязь дорожные сумы, укрепленные наверху. Тяжелое дыхание, натужные хрипы, вскрики, глухие удары и звон стали о сталь слились в рев, разрывающий голову.

Разнеся в мелкие брызги слюдяное оконце, внутрь просунулась огромная волосатая ручища. Короткие вымазанные кровью пальцы зашарили по стенам, разрывая ногтями голубую атласную обивку, обрывая полки и сбрасывая с крючков теплые плащи, подбитые мехом.

Мальчик вздрогнул, отогнал от себя страшное видение, приблизился к обгорелому остову и заглянул внутрь. За ночь кто-то успел ободрать всю обивку, выставив на обозрение стыдливо желтеющие стены кареты. Мародеры сняли с нее колеса, двери, оторвали все латунные детали и даже унесли позолоченные завитки, приделанные по краю крыши.

«Тишина-то какая, – подумалось ему. – Даже птицы молчат. Странно. Вроде недавно пели, а сейчас молчат. Неужели они грустят вместе со мной?»

На пригорке за кустами лежали двое мужчин. Один, угрюмый, с цепким взглядом, еще совсем недавно изображавший из себя торговца пряниками, оторвал от глаз заграничную подзорную трубу и повернулся к другому – мускулисту, с тяжелыми надбровными дугами и узкими щелочками глаз.

– Ребенок тут. Теперь бы мать дожждаться.

– А ты уверен, что она сюда придет? – спросил мускулистый.

– А где ей еще искать такого сообразительного сына? Только здесь.

– Думаешь, она его ищет?

– А ты бы не стал свое дитяtko искать? – спросил угрюмый. – Хотя... Ты бы не стал.

– А зачем нам малец-то? – тихо спросил второй. – Давай его пристрелим. Я прямо отсюда могу. – Он любовно погладил ложе большого самострела со спущенной тетивой и толстой короткой стрелой, уложенной в специальную канавку. – Или ножичком... Мочи уже нет за ним таскаться. Меня баба уже достала совсем, чума иерихонская...

– Труба, – поправил его угрюмый.

– Что? А. Ну да. Замучила, говорю. Дома, мол, тебя не бывает. Небось, к девкам ходишь, говорит.

⁸ Сумасшедшие (*исп.*).

– А что, не ходишь? – спросил угрюмый.

– Да хожу, но дело-то не в этом совсем. Все время ведь за ним ходим. Вчера, позавчера, третьего дня! Затемно в дом вваливаюсь, так она...

– Тихо! – оборвал его угрюмый. – Едет кто-то.

В лесу глухо застучали подковы.

Мускулистый человек ухватился за тетиву и, вздувая на шее жилы, потянул ее на себя. Скрипнул взведенный курок.

– Если она не одна, то, как только с сыном обниматься начнет и обо всем забудет, вали охрану. Да живо. Чтоб пока одна стрела летит, другая уже на изготовку была. А я по кустам бегом, поближе. – Он понянчил в ладони рукоять длинного тяжелого клинка. – А если одна, цель в коня.

– Не одна. Слышь, лошадей сколько?

– Слышу, – отозвался худой. – Ого!

Из-за поворота выехали четыре крепких всадника на добрых скакунах татарских кровей.

– Ох, в бога душу мать!.. – замысловато выругался худой. – Бежим отсель. Скорее.

Он вскочил и зайцем запетлял меж голых колючих кустов. Товарищ, пригибаясь, потрусил следом.

Заслышав удары копыт о мерзлую землю, мальчик воспрянул духом, но тут же сник. Испугался. Всадников было несколько, поступь коней – грузная, боевая. Тихо, но различимо позвякивали доспехи. Возможно, мама отыскиала каких-то друзей, которые согласились ее проводить, но вряд ли. Зная ее характер, стоило ожидать, что она появится одна, тихо и незаметно, в мужском костюме и черной маске, а не во главе целого кавалерийского полка.

Всадники приближались. Мальчик юркнул за карету и притаился в невысоких кустах, стараясь дышать в мешковину, чтоб пар изо рта не выдал его присутствия.

Первым из-под сени деревьев выехал высокий статный воин в блестящем порубленном панцире и круглом шлеме-касметке. За ним следовал плотный мужчина в легкой кольчуге. С его левого плеча небрежно свисал короткий полушубок, сметанный по русскому обычаю мехом внутрь и крытый дорогим бархатом. Подкладка переливалась теплыми медовыми оттенками – не иначе соболя. Такое одеяние стоило, наверное, целый воз золотых дублонов.

За ними ехали еще два воина в высоких богатырках и кольчугах, набранных из крупных колец. За спиной у каждого висел круглый деревянный щит с железным умбоном, в руках – короткие кавалерийские копы с красными султанами под наконечниками.

Всадники остановились около кареты, передний легко спрыгнул с коня и присел на корточки, внимательно рассматривая следы вокруг. Потом он поднялся и зашарил взглядом по высокому пригорку. В руках у него как будто сам собой появился маленький итальянский арбалет с резным ложем. Один из замыкающих поудобнее перехватил пику, второй наложил стрелу на костяной степняцкий лук.

Мужчина развернул коня и медленно двинул его прямо к тому кусту, за которым притаился мальчик.

– Выходите, молодой человек, не надо прятаться, – произнес он по-испански с сильным акцентом.

Мальчик подошел к нему совсем близко и только тогда заметил, что на его левой руке нет мизинца.

Глава вторая

Государь Василий Иванович задумчиво разглядывал две бомбарды, стволы которых были склепаны из полос железа, часто перехваченных металлическими обручами. Около орудий муравьями сустились пушкарки, или, на европейский манер, бомбардиры, в белых исподних рубахах. Из ствола одного орудия на землю свисала толстенная цепь, змейкой терялась в притоптанной траве и, встав на хвост, исчезала в жерле второго.

– Слышь, княже, что это твои ребятки затеяли?

– С орудиями-то? – Князь Андрей посмотрел вслед указующему царскому персту. – Это новый способ стрельбы. Два ядра сцепляем и бухаем одновременно. Они в полете закручиваются друг вокруг друга и косят неприятеля, аки косой.

– Разумно, разумно. Сами придумали али надоумил кто?

– Сами, царь-батюшка, – обиделся князь. – Нешто мы лапотники какие, с тевтона да ливонца слизывать?!

– Ладно, ладно. Не кипятись, – примирительно улыбнулся государь в густую русую бороду. – Верю.

Бомбардиры одновременно поднесли факелы к запальным отверстиям. Многочисленная государева свита поразевала рты и заткнула уши. В запальном отверстии одной бомбарды закурился сизоватый дымок, около второй вышла какая-то заминка. Пушкарки забежали кругами, а потом, побросав багры и банники, спотыкаясь о ведра с водой, предназначенной для охлаждения стволов, кинулись врассыпную. Первое орудие изрыгнуло сноп пламени. В тот же момент ствол второго дернулся и с треском сорвался с деревянного лафета. Взмыв вперед и вбок, он зацепил первую пушку и выбил дульные цапфы из держателей. Второй ствол поднялся верстовым столбом, потом медленно завалился прямо на ядра, сложенные кучкой. Хрустнули деревянные бруссы, в воздух полетели комья земли и деревянная щепа. Ядра раскатились, как яйца из-под плохой наседки.

Бояре в горлатных шапках, кудрявые рынды, суровые сотники, сокольничие с перчатками на правых руках, стряпчие, постельничие, виночерпии и прочий сброд, околачивающийся вокруг высочайшей особы, не разбирая чинов, повалились друг на друга.

– Однако! – хмыкнул царь, часто моргая и потирая ухо. – Не сработала придумка-то.

– Так и Москва не сразу строилась, – ответил князь, почесывая бровь левой рукой, на которой не хватало мизинца. – Пообвыкнут, научатся нормально запальники подносить.

– А пищали у тебя в хозяйстве есть?

– Есть германские, свейские, британские. Что сами делаем, что приспособливаем под свои нужды. У меня целая полусотня там, в лесочке тренируется. С обрезками для конного бою. А что тишина стоит, так они, наверное, стволы чистят после ночных стрельб.

– А это у тебя сабельник? – Царь выгнул бровь. – Вот тот, с двумя клинками. Где так наловчился? – Он показал на маленького вертлявого человека, который кузнечиком скакал по траве, а в руках его, рисуя расплывчатые круги, вращались две короткие кривые сабли.

– Он татарин, из выкрестов. Ловкий черт! А умение нам от древних македонцев досталась. От воинов Александра Великого.

– Знатно. А тут у тебя что? Мужики обнимаются? – Царь показал на лоснящиеся тела, азартно вытаптывающие в невысокой траве почти идеальный круг.

– Не обнимаются, а борются на азиатский манер.

– А чего не на греко-римский?

– Так в греко-римском ногами цеплять нельзя, токмо рукой да плечом орудуй. А тут подсечки, подножки. Сил уходит немного, а польза велика.

В этот момент один из мужчин оторвал другого от земли и бросил через себя. Дернув в воздухе босыми ногами, тот приземлился на спину.

– А по мне, так на кулачках или саблюкой рубануть.

– Мы и саблюкой учим, и на кулачках, и из самострела. И даже ножевую науку даем.

– На ножиках-то зачем? У тебя же не тати ночные, а государево войско!

– Это особый отряд. Надо, например, человечка какого выкрасть, крепостцу небольшую у врага отбить или канцлера какого с бургомистром припугнуть, чтоб не очень залупались. Кого послать? Мужиков необстрелянных? Им без няньки ходу нет. Вон под Смоленском – боевое крещение!.. Половина под стенами полегла, половина из оставшихся после от ран окоचурилась. А на стенах-то ополченцы одни были. Вот я и хочу приготовить таких волков, чтоб десяток, да что десяток – чтоб одного в овин запусти, он все стадо и порежет.

– Так, может, мне дружину вовсе распустить, если твои орлы со всеми напастьями справятся? – усмехнулся Василий.

– Ежели ты серьезно мое мнение знать желаешь...

– Вижу, князь, ты что-то серьезное сказать хочешь. Говори, – разрешил государь.

– Не дружина тебе нужна и не ополчение, а настоящее войско. С общим призывом.

– Это как?

– Всех юношей, достигших восемнадцати годов, надо на год или на два забирать из домов и учить ратному делу. Поголовно. И саблей чтоб, и копьем, и палить научить без промаха.

– Ты чего несешь? Ополчумел, князь? Куда сгонять? Зачем? Пахать кто будет?

– Государь, мысль новая, но ты сам подумай! – поднял руки князь Андрей. – Русского человека всяк обидеть норовит. Татары, тевтоны, норманны... Придут в деревню, мужиков порежут, девок да детишек уведут. Наши лапотники годны только косами да граблями махать, а против воина обученного они ни в жисть не выстоят. Сноровки нет. А ежели им ту сноровку привить, так постоят за дом и отечество.

– Не знаю, – почесал в бороде Василий.

– А на покос да на сеянье можно и до дому пускать, отцам подмогнуть.

– Ладно, подумаю. Кстати, ты ведь, князь, меня не затем позвал? – хитро прищурил один глаз государь всея Руси.

– Не затем, царь-батюшка. Хотя, конечно, хотелось, чтоб ты посмотрел, что не зря мы деньги казенные проедаем. Но вообще я поговорить хочу.

– Так чего сам в кремль не приехал? В палаты? Посидели бы рядом, поговорили ладком. Медов хмельных испили бы.

– Да больно много чужих ушей у тебя, – ответил князь, опустив взгляд. – Из стен растут!

Лицо царя вспыхнуло, он поднял посох и хотел ударить им в землю, но сдержался.

– И то верно, развелось болтунов. Что ни скажи, через час во всех подклетьях обсуждение.

– В общем, дело такое... Даже не знаю, как начать-то, – помялся князь. – Помнишь, государь, человека нашего в Гишпании, дона де Вилья?

– Как же, помню. Хоть и нерусь, а много хорошего для нас сделал.

– Лет пять назад наговорил он там много чего, а инквизиция не дремала. Убоявшись возможных последствий, этот дон отправил свою семью в такое место, куда их католические лапы ни за что не дотянутся.

– Неужто в Московию? – притворно удивился царь, хотя прекрасно знал ответ.

– Да, в Московию, – сам того не замечая, польстил царю князь. – Да только грех случился. Напали на карету неподалеку от города. Охрану убили, жену Марию то ли пленили,

то ли сбежала она. Сие мне не ведомо. А мальчонку, сына его, я позже подобрал, у меня на подворье растет.

– Это ты с ним тогда на Масленицу приходил? Он племяннику моему, сыну брата Юрия, в кулачном бою один зуб выбил да два сломал.

– Прости его, царь-батюшка, не со зла он. По незнанию.

– Да я не сержусь. Кулачный бой на Масленицу – дело святое. Я б тому отроку сам добавил бы, чтоб Рюриковичей не позорил. Так что там дальше-то?

– С доном тем после потери семьи плохо стало. Сначала жар его обуял, неделю пластом лежал, вином отпивался. Потом схватил шпажку – это саблюка ихняя прямая, чуть полегче меча будет, – выскочил на улицу и давай народ направо и налево тыкать. Как курей вертелом. Восьмерых успел на тот свет отправить, прежде чем скрутили его. Так он вырвался, стал убежать и упал в канал. Их там много нарыто. Чуть не утоп, но вылез где-то далеко за городом. Говорят, всю ночь в поле сидел и волком выл на луну. Местные за оборотня его приняли, хотели дубьем забить до смерти, да он на кулачках многих перекалечил и в лес подался. Что делал, как жил, никто не знает. Но вернулся только через неделю. Обросший, ободранный... А как по семье-то убивался!

– Ох и хитер ты, княже. И безжалостен, змей, – погрозил царь пальцем. – Нет чтоб родителю весточку отписать, что, мол, сынок-то цел.

– Да я ж не для себя, я о пользе государству пекусь. Ежели что не так пойдет, заартачится сиятельный дон, то мы ему отрока и предъявим с пикой у горла. Мол, хочешь целым получить, так делай то, что тебе велено.

– Ох, чую, князь, что-то большое ты задумал. И игра эта на родительских чувствах неспроста.

– Неспроста, но я по порядку. Когда дон возвернулся, его почитай сразу и скрутили. Правда, он уже и не сопротивлялся совсем. Год продержали его в холодной, а потом выпустили, но с условием, что он отправится в Новый Свет и будет там отстаивать честь испанской короны.

– Знаем мы ту честь, – буркнул царь.

– Он, не долго думая, собрался и отбыл за море, – продолжил князь. – Долго не было о нем ни слуху ни духу. А недавно совсем птичка весточку на хвосте принесла, мол, в большую силу взошел наш дон, сидит помощником губернатора на Кубе. Чуть сам губернатором не стал, но интриги там ого-го, не чета мадридским. Ну да авось он скоро нынешнего-то задвинет.

– Задвинет?

– Ей-богу, задвинет. Веласкес-то жаден да глуп. Всех достоинств, что роду знатного и зверства отменного.

Царь понимающе покачал головой, вспоминая боярскую думу. Знакомо, знакомо.

– И ты хочешь, чтоб он землями этими правил нам во благо?

Князь не ответил, только улыбнулся уголком губ, отчего лицо его стало напоминать маску бога викингов Локи – покровителя коварства и злой шутки.

– А зачем нам оно? – спросил Василий. – Мы-то тут, а Новый Свет где? За окияном! От всего того, что там деется, нам ни тепло ни холодно.

– Э нет, царь-батюшка, не так уж он далек, если вдуматься. Месяц пути всего. Нынче рано, конечно, загадывать, но вот как попадут все русские земли под твою руку, начнется тогда совсем другой свистопляс. Швед на севере, ливонец и литовец с поляком на западе. А за ними германцы, франки. С юга крымский хан грозит, с востока – Казань. Даже если они всем скопом навалятся, устоит Русь. А вот если тихой сапой отрежут нас от выходов к морю и торговли с другими странами, то держава может и захиреть. Не к китайцам же нам пеньку и соболей возить?

– И что ты предлагаешь? Утвердиться там силой, чтоб потом, если что, брать Европу в клещи?

– Было бы здорово, но это слишком хорошо, чтоб стать правдой, батюшка.

– И хватит меня батюшкой звать, зови государем, как всем велено.

Бомбардиры снова выкатили пушки на позицию и зарядили их ядрами, скрепленными цепью. Один приблизился к орудиям с наскоро сколоченной деревянной рамой, на концах которой тлели два фитилька, и поднес их к запалам. На этот раз занялись оба. Бросив рамку, он отскочил и присел за небольшим холмиком. Через секунду оба орудия одновременно выплюнули снопы пламени и сизого дыма. С надрывным свистом сцепленные ядра, рисуя в воздухе темное колесо, врезались в ряд чучел, укрепленных на длинных колах. В небо взвились тлеющие обрывки старых кафтанов и космы горящей соломы. В рядах мнимого противника образовался проход шириной локтей в двадцать.

– Да, батю... государь. – Князь дернул кадыком, разгоняя ком, образовавшийся в глотке от пороховой гари. – Если поставить там сильную крепость и завязать с тамошними жителями торговые связи, то мы сможем влиять на гишпанского короля Карла, который из европейских монархов сейчас самый сильный. Новый Свет – это пряности, овощи невиданные, звери разные, меха чудные. А золота, говорят, там залежи. Самородки с голову барана. Его можно либо намыть в реке, либо у местных сменять. Я когда письмо от своего человека читал, временами думал, что с ним горячка приключилась, однако прислал он с письмом несколько предметов...

– Мягко стелешь, князь, да не жестко ли спать будет? То, что Вилья в почете и может склонить весы нам на пользу, это понятно, но как его заставить? На него и дома-то управы не было, а теперь он вообще за окняном и плевать на все хотел. Сыном пригрозить? Опять же как? Сказать ему, что сын у нас, так он и не поверит. Прислать ухо в туеске? Да мало ли чьи уши можно в туесок кинуть. А если сына к нему направить как доказательство, так он кровиночку свою просто отобьет.

– Так, да не совсем. – Князь снова улыбнулся недоброй улыбкой. – Сразу после взятия Смоленска ворвались мои молодцы на подворье одно монастырское. Стали девок из келий тягать...

– Монашек, что ли? – нахмурился царь. – Нехорошо.

– Война, – просто ответил князь. – Так вот одна из них ратнику ложку тонким концом в глаз воткнула, второго приголубила по лбу дубьем так, что до сих пор под себя ходит, у третьего вырвала из рук тесак и как начала им махать – насилу отобрали. А когда стали пытаться, кто да откуда, случилось, что по-нашенски она ни в зуб ногой. Все на непонятном языке талдычит. Хотели ее прямо там кончить, да сыскался, к счастью, человечек разумный. Он ратникам объяснил, что не надо бабу трогать, и донес кому надо. А я на следующий день там был. Оказалось, что это жена нашего дона.

– И теперь можно... – воскликнул государь.

– Да, – совсем невежливо перебил его князь. – Теперь можно спокойно отсылать сына к отцу, вручив ему какой-нибудь материнский медальон или локон. И вот он у нас где! – Он поднял костистый кулак с куцым мизинцем, покрытый жестким черным волосом, к самому носу царя, потом вздрогнул и спрятал его за спину.

– Ну, хитер, – не заметил оскорбительного жеста государь. – Ай хитер, старый лис. Только вот я так и не понял... – князь вопросительно выгнул бровь. – Кто ж умыкнул жену нашего дона и упрятал ее монастырь?

– Ну, упрятали, понятно, смоленские бояре, – начал князь. – А вот кто за этим стоит – пока тайна для нас. Я мыслю, это либо Сигизмунд, новый ливонский царь, который по молодости не понимает, куда голову сует и чем для него это может обернуться, либо...

– Либо?

Князь погрузнел.

– Временами мне видится за этими, и не только этими, событиями то свейский золотой крест на синем поле, то когтистая лапа британского льва.

– Швед – понятно, но англам да саксам-то какая корысть в этих делах?

– Они гишпанского флота боятся, да и нам подлянку с радостью сделают. Спросят, почему, мол, в русских лесах пропала семья одного из виднейших царедворцев? Войну нам Карл Пятый не объявит, конечно, но начать давить на юге через генуэзцев или крымского хана – это запросто. Пока мы с ним разбираемся оружием, друг другу грозим и подметные письма пересылаем, Генрих британский будет спокойно обделывать свои дела. Британия того и гляди выпрет в окиян, как опара из кадушки. Ужо поплачут все, кто плавает там без достаточного числа пушек.

– Считаешь?

– Докладывают. Верный человек узнал, что строят на островах многопалубные корабли. Орудий на каждом – от одной дюжины до трех. Такими силами они испанские галеоны, что золото в Старый Свет повезут, как орехи начнут колоть.

– Везде-то у тебя верные люди, князь.

– На том стоим, государь.

– Ох, не нравится мне это. Все – французы, британцы, испанцы – за морем земли себе завоевывают, растут, а мы со своими договориться не можем. Тверь, Устюг, Новгород, Псков... Все независимость свою отстаивают, хотят вечем вопросы решать, монету свою чеканить. А как беда, так гонцов шлют к стенам белокаменным. Царь-батюшка, опора и надежда, челом бьем! Не выдай! Не дай съесть лютому врагу! И жалко, и по харям их квасным навалить хочется до хруста в деснице.

– Брось, государь. Это вопрос решенный, тут только время потребно. Через сто лет об этих городах и о мелочи всякой европейской, норовящей Русь на куски порвать, и памяти не останется. А княжество великое московское, царство русское в веках стоять будет.

– И то верно, – улыбнулся государь. – Ладно, мне в кремль пора. Дела. А ты, княже, считай, что на это дело мое согласие получил.

Царь развернулся и, опираясь на резной посох, отправился к свите, стоящей поодаль.

«Ох, устал Василий, совсем стариком сделался, – подумал князь. – А ведь ему еще и тридцати нет. Да легко ли такую страну, такой крест на себе нести, добиваться единовластия, упразднять уделы, подводить вольнодумных князей под единый закон. Аукнется ему это черной немочью. Ох аукнется. Впрочем, не стоит печалиться о том, что еще не случилось».

Князь еще раз взглянул вслед царю и неторопливо побрел к приземистым постройкам, стоящим в сотне шагов. Проходя мимо полянки, где один из его орлов показывал молодняку, как надо работать с засапожным ножом, он приостановился, невольно залюбовавшись. В одном длинном плавном движении воин умудрялся подкатиться под выставленное копьё, выдернуть из-за голенища клинок, вспороть чучело через пуп так, что солома летела во все стороны, и выйти в боевую стойку за спиной предполагаемо-умирающего противника. Попытки молодых повторить такое заканчивались в лучшем случае ударом головой в столб, на котором висел мешок, в худшем – резаными пальцами.

Чуть поодаль одинокий стрелок тренировался с большим генуэзским арбалетом. Крепкой рукой с посеченными тетивой пальцами он растягивал воловьих жилы, накидывая их на собачку спускового крючка, накладывал короткую толстую стрелу, вскидывал и отправлял болт точно в центр кольца, свернутого из соломенного жгута. На все про все у него уходили считанные секунды.

Парни с гиканьем и веселым матерком учились брать приступом крепостную стену высотой локтей в двадцать. Они бросали крюки, приставляли лестницы, уворачивались от небольших мешков с песком, сбрасываемых на них сверху дюжими молодцами, изображав-

шими защитников. Две попытки провалились с треском, в третий раз один удалец таки сумел, раскачавшись на веревке как заморская обезьяна, проскочить за зубцы. Защитники скрутили его и на раз-два-три выбросили обратно. Грохнув костями, он покатился по земле, снова вскочил на ноги и бросился на лестницу. Князь повнимательнее пригляделся к парню, запоминая ретивого бойца.

Проштрафившиеся вояки чистили лошадей у пруда. Кобылы, специально приученные к грохоту бомбард и пищалей, безучастно обирали мягкими губами короткую жесткую траву, а парни брызгали друг на друга из деревянных ведер холодной водой и ржали, как отсутствующие здесь жеребцы.

«Ну вот и добрел», – тяжело вздохнул князь, остановившись на пороге основательной избы. Разговор, предстоявший ему сейчас, был гораздо труднее, чем беседа с государем всея Руси. Игра, которую он собирался провести по обоим берегам Атлантики, была продумана задолго до того, как ее представили на царский суд – дуракам и монархам полдела не кажут.

Теперь, когда величайшее соизволение получено, пришло время поговорить с двумя людьми, которые должны стать непосредственными исполнителями всего дела. Конечно, он мог просто отдать приказ, но... Здесь одним приказом не обойтись, надо быть уверенным в том, что посланцы, оторванные от родной земли и его отеческого надзора, живота не пощадят, но все сделают как должно.

За паренька князь был почти спокоен. Тому предстояло отправиться в далекие теплые страны на поиски отца, с которым он был разлучен почти семь лет. Не то что согласится – бегом побежит. А вот Мирослав... Тут князь не был уверен, но иной кандидатуры, увы, не видел.

Не из-за сообразительности – встречались ему люди и поумнее. И не из-за верности. Были люди и вернее. Не из-за силы. Встречались бойцы и покруче. Даже не из-за фантастической везучести. Просто никто, кроме Мирослава, не обладал всеми этими качествами одновременно. Только он мог провести горячего юнца через все возможные беды, направить, подсказать, оберечь.

Собственно, проблема была только в том, что юношу нужно отправлять в Новую Испанию под видом молодого господина, а Мирослава – в качестве слуги. Но как ему такое сказать? Как убедить добровольно принять на себя эту роль, унижительную по представлению князя? Ведь он герой, пусть и никому неизвестный.

Совсем недавно Мирослав в одиночку пробрался в осажденный Смоленск, подорвал запасы пороха и проделал в крепостной стене пролом, через который стрельцы московского князя наконец-то смогли ворваться на узкие улицы города. Незадолго до этого он тайно проник в палаты князя литовского Александра, возомнившего себя королем. Через три дня новоявленного короля уже отпевали в кафедральном костеле Вильно, у подножья Замковой горы. А еще чуть раньше смог... Нет, князь не настолько знал своего человека, чтобы найти верные слова. Лучше всех, но все же не настолько хорошо.

Он отпустил грубо вытесанную дверную ручку, наскоро приколоченную к тяжелой двери. Может, не сегодня, может, в другой день?..

– Заходи, князь, что у порога топтаться? – раздался изнутри густой спокойный голос.

Как услышал? Князь мелко перекрестил живот и потянул на себя тяжелую дверь. Внутри царил сумрак, прорезаемый лишь светом лучины, укрепленной в витом поставце, да огоньком лампадки под иконой Николая Чудотворца, святого, считающегося покровителем мореходов. Скорее всего, этот светловолосый кряжистый человек был из архангельских мужиков, выросших на студеное море, с малолетства умеющих обращаться с корабельной снастью и вычислять путь по звездам, что в грядущем могло оказаться очень кстати. Хотя имя его было скорее южное, балканское.

Хозяин иконы сидел за грубо сколоченным столом и занимался сугубо мирным делом – латал порвавшийся ворот рубахи суровыми нитками. Через край. Его крепкие ладони с длинными пальцами почти квадратного сечения управлялись со швейными принадлежностями не менее ловко, чем с саблей и уздой.

Мирослав кивнул на скамью – садись, мол. Тот осторожно, стараясь не занозить зад, пристроился на уголок грубо сработанной лавки, посидел, помолчал, собираясь с мыслями.

Мирослав совсем не собирался помогать ему начать беседу. Он посмотрел на терзания князя холодными как льдинки глазами, скусил нитку, аккуратно обмотал ее вокруг кончика толстой иглы и засунул куда-то в сапог – извечные солдатские закрома, натянул рубаху на торс, перевитый канатами мускулов, и положил руки на стол.

Князь заерзал по скамейке, растеряв все слова, заготовленные по дороге.

– Что, князь, будешь лавку задом протирать? – сжалился воин. – Или о деле поговорим?

– Задание для тебя есть. Серьезное.

Мирослав едва заметно кивнул, – мол, а когда оно несерьезное было?! – но слова не вымолвил.

Князь несколько секунд подождал вопроса, не дождавшись, продолжил:

– Нужен человек, который отправится в дальние края.

Снова никакой реакции. Мирослав смотрел спокойно и сосредоточенно, но без любопытства. Царедворец ощутил болезненный укол зависти. Он всегда мечтал научиться, как Мирослав, держаться спокойно, но без мрачности, и говорить убедительно, но без угрозы. Кое в чем князь преуспел, но до молчаливого северянина ему было далеко.

– За море. – Князь бросил на стол последний козырь.

– Куда? К османам? Или в Крым, к Магмет-Гирею? – В глазах воина вспыхнул огонек.

– К Магмет-Гирею оно бы, конечно, неплохо. – Князь задумчиво потерел небольшую окладистую бородку беспалой рукой. – Да он нам пока нужен. Но придет время...

– Я подожду, – сказал Мирослав, и от его слов повеяло таким холодом, что князю захотелось поплотнее запахнуть кафтан.

– Если до того, как ты воротишься, его никто не... устранил, – князь не раз приказывал убивать, да, что греха таить, и сам, бывало, окроплял руки красненьким, но слово «убийство» на дух не выносил. Предпочитал говорить окольно: «устранение», «ликвидация», или что-нибудь в этом духе, – или он сам не сдохнет от возлияний и слабости к женскому полу, тебе поручу.

Мирослав молча кивнул, снова уйдя в раковину вежливого внимания.

– А пока нужно мне, чтоб ты в Новую Испанию сплавал. Слыхал про такую?

Мирослав снова кивнул. Обычно немногословный воин сегодня был как-то особенно молчалив, но князю показалось, что промелькнуло в его льдистых глазах что-то такое... Искра интереса?

– Там ничего серьезного делать не надо, только найти человека и доставить ему послание. Потереться там пару дней, посмотреть, как он себя поведет. Если глупить не начнет, то на первом же корабле домой. Ну а если начнет, тогда по обстоятельствам. Либо пугнуть, либо...

Мирослав снова кивнул, но не проронил ни звука. Князь усилием воли подавил в себе гнев и украдкой почесал вспотевший пах. Предстояло перейти к самому сложному.

– Но отправишься ты не один.

Мирослав вскинул бровь. Он привык все делать сам, ни на кого не надеясь и ни за кого не отвечая.

– Ты же гишпанскому не обучен? Знаю, что нет, а в таком путешествии без толмача никак. Если до Кадиса или Севильи ты доберешься, то как на корабль наниматься? Как о человеке искомом говорить? То-то. Вот и дам я тебе в попутчики отрока из тех краев.

Он горячий, но сообразительный. Кстати, он часть послания и есть, поскольку человеку тому сыном приходится и сам захочет родителя повидать, потому отлынивать не будет. Тебе только присмотреть надобно, чтоб паренек не натворил чего по горячности.

Мирослав шевельнул бровью. Мол, надо присмотреть – так и присмотрим.

– Только вот есть одна закавыка. – Он взглянул на Мирослава, но тот упрямо молчал. – Придется тебе побыть его слугой. Мальца нарядим доном испанским, а ты при нем будешь диким зверем с востока. Разговоров заводить не надо, да и кто на слуг смотрит.

Князь ожидал гнева, ярости, но Мирослав отнесся к этому очень спокойно.

– За окиян, значит? Это ж будет подале, чем Афанасий Никитин хаживал, за три моря-то. Я его записки читал недавно. Вот это жизнь. А я вот моря уже лет десять не видел, только лужу эту варяжскую мелкую. Да озера – Чудское да Ладогу. Хоть и края не видать, и бури там бывают, а все не то, – и умолк, будто израсходовав весь запас слов, отпущенный ему на этот день.

– А слугой-то? – не унимался князь, он все никак не мог поверить. – Слугой-то как? Пойдешь?

– Чего не пойти? Пойду. Гордыня – не мой грех.

– Вот и ладненько, – облегченно вздохнул князь и вновь почесал под столом употевший пах. – Тогда, наверное, надо тебе со своим попутчиком познакомиться. У тебя дела есть тут какие?

Мирослав отрицательно мотнул головой.

– Тогда собирайся и часика через два-три приезжай в хоромы мои, что в Тушино. Дорогу не забыл, чай?

Мирослав кивнул.

– Ну, до встречи.

Князь вышел под неяркое октябрьское солнце и утер лоб платком, на котором были вышиты красный петух и затейливый вензель. Он приказал маячившему невдалеке конюху отвязывать лошадей и идти следом. Ему хотелось немного прогуляться, развеяться.

Он шел неторопливо, втягивая носом холодный ветерок с кислым привкусом горелого пороха, прислушивался к звяканью стали о сталь, к азартным выкрикам и далеким выстрелам. Гомон военного лагеря звучал для него слаще музыки, стука чарок и звона червонных монет.

Князь Андрей Тушин с молодых ногтей стремился к ратным подвигам, но, не обладая от природы богатырской силой и ловкостью, не смог пройти испытание и попасть в царскую дружину. Судьба командира городского ополчения не привлекала честлюбивого отрока, поэтому он выбрал службу не такую почетную, но гораздо более трудную и иногда куда как более опасную. Иоанн Третий, отец нынешнего государя, заметил острого умом Андрейку и сделал его сначала своим поверенным, а потом допустил к самостоятельным делам. Молодой князь ходил в составе посольства в Константинополь, а в Венецию ехал уже его главой.

Именно он, князь Андрей, а не Василий Холмский, не Даниил Щеня, не Яков Захарьевич принимал из слабеющей десницы Иоанна завешание, в котором тот передавал престол сыну Василию, а не внуку Дмитрию, как того хотели многие. Именно он, князь Андрей, вел Дмитрия в темницу, именно он забирал тело отрока из холодного подземелья. Именно он был распорядителем на его похоронах.

Эх, дела, дела... А ведь случись что с Василием – князь с грустью вспомнил сгорбленную спину государя, – сторонники Дмитрия ему все припомнят, да и другие многие.

Он оглянулся на двух охранителей, привычно маячивших в некотором отдалении. Ох и дожил. Понятно, что на такой службе, как у него, нельзя никому на мозоль не наступить, и все же. И все же...

Ох ты. Князь и не заметил, как отмахал пять верст. Вот уже и родовое гнездо. Тушино – деревня о сорока дворах. Усадьба обнесена каменной стеной, поверху гвозди понатыканы остриями вверх. Ворота – не деревянная труха, а бронзовые, в три вершка толщиной. Дорого, но он мог себе это позволить. Каждую створку не ковали, а отливали в земляной форме, как церковный колокол. По образу и подобию ворот новгородского Софийского собора, выведенных Иоанном из мятежного города и ржавеющих где-то в закоулках кремля. Крепили эти створки на стальные петли дамасской работы. Ни тараном, ни ядром такие не взять. Двое сторожей в караулке все время торчат, в гнезде смотровом один с пищалью, двое в сени на ночь приходят. Внутри на цепи псы натасканные. Да деревенским всем наказ дан в било стучать, если кто незнакомый ночью подойдет.

Мужчина вздохнул. Еще совсем недавно мысли о подметных письмах, охранных грамотах, тайных многоходовых интригах и смертоубийствах в темных дворцовых коридорах вселяли в него силу и энергию. Даже опасность быть отравленным или зарезанным в своей постели его только бодрила так, что хоть горы сворачивай. А сейчас, несмотря на размах задуманного, он не чувствовал ничего, кроме темной усталости и глухого недовольства. Может, пора о наследнике своих тайных дел подумать?

Не поднимая головы, прошел он сквозь распахнутые ворота.

«А может, и правда, Ромка? – думал князь, обходя огромного куцехвостого неаполитанского мастифа, храпящего прямо в грязи. – Отрок смысленный, уже многие науки постиг, два языка знает, третий учит. Ловок как бес, так что драться научиться. Кудри черные, с лица чист и красен. Чуть подрастет, ни одна красавица не устоит перед его осадой, а в нашем деле такая способность едва ли не ценнее всех прочих».

Подволакивая ноги, утомленные долгой дорогой, князь Андрей поднялся на крыльцо, принял у горничной девки ковш ледяного кваса, осушил его единым духом и крикнул, утирая усы.

– Что, обед-то готов? – спросил он.

– Готов, готов, батюшка, – откликнулась девка. – Несем!

Ополоснув руки в прихожей, князь прошел в горницу, сдвинул в сторону набитые пухом подушки и уселся в красном углу, под образами.

Сквозь прищуренные веки он наблюдал, как появляются на столе яства. Большая глиняная миска с исходящими жирным паром щами, из которой лебедем изгибалась ручка половника. Чугунок с разваристой гречей. Деревянная тарелка с хрусткими перепелами. Чуть в стороне репка, и бочок жбанчика с хмельным медом.

– Эй, Ромку там позовите трапезничать, – крикнул он в пустоту.

Пустота, застучав пятками по деревянному полу, помчалась выполнять господское указание.

Князь, не чинясь, своей рукой плеснул себе в миску супу, сверху сметаны, помешал и заработал челюстями.

Появился Ромка. Поздоровался кивком, – утром виделись, – скользнул на лавку, взмахнул половником, оторвал от каравайя ломоть хлеба.

– Дядя Андрей, прочитал я тот фолиант, что ты мне дал, – проямлил он с набитым ртом.

– Скоро. И как? Понял ли? – сквозь хруст хрящей спросил князь.

– Не все. У франков и так язык трудный, а этот марш... марк... картограф, в общем, Вальдземюллер, – Ромке с трудом далась заковыристая немецкая фамилия. – Так он вообще из Лотарингии, слова в кучу валит, иногда и не разобрать, по-каковски написано.

– Ничего, учись. Зело полезно такие тексты читать.

– Полезно-то полезно, только вот не понял я, почему Мюллер этот Новый Свет Америкой окрестил. Ведь Веспуччи не первый туда поплыл. Назвал бы Колумбией, или Гохедией в честь адмирала Алонзо, с которым этот Америго плавал.

– Америго этот первым предположил, что Новый Свет – это новый материк. До него и Колумб, и адмирал де Гохеда, и многие другие думали, что они в Индию приплыли. Оттого и туземцев сначала индийцами назвали, а потом уж в индейцев переименовали, чтоб не путаться.

– Вон оно что, а я-то думал... – Осмысливая новость, Ромка чуть не вылил на себя ложку горячих щей.

Несколько капель все же расплылись по холсту рубахи.

– Вот свиненок, – не зло пожурил его князь Андрей. – Изгваздался весь. Да куда ты рукавом утираешься, поганец?! – Он махнул ложкой, метя в лоб, но ловкий отрок увернулся.

– Дядя, я же дома. Меня не видит никто!

– Я вижу! Этого вполне достаточно. А знаешь, чем приличный человек отличается от неприличного?

– Чем, дядя?

– Приличный человек ведет себя прилично, даже когда он совершенно один. А тебя одного оставь – вмиг одичаешь. С пола вкушать начнешь, как свин.

– Неправда, – буркнул Роман без особой убежденности.

– Поговори мне, – цыкнул на него князь.

Несколько минут они ели молча, как завещано предками, но Ромка опять не выдержал:

– Дядя, а сколько до этой Америки плыть?

– Ежели из Кадиса, да при попутном ветре, да без бури, то дней тридцать. А ежели с бурей да навигатор дело плохо знает, то и все пятьдесят.

– Дядя, а если у тебя в службе перерыв будет, давай туда сплаваем. Очень охота на диговинки те посмотреть, которые у Вез... Ваз... У Мюллера этого описаны. Я уже и план прикинул. Сначала по Волге до Нижнего Новгорода, оттуда с купцами через Черное море. А там на генуэзский корабль, через Босфор, Дарданеллы и... Гишпанию.

Князь мелко перекрестился под столом. Все складывалось даже лучше, чем он ожидал. Без всяких уговоров отрок запросился в далекое путешествие, значит, не нужно посвящать его во все резоны предстоящего дела.

– Староват я уже для таких подвигов, качку плохо переношу. Да и в службе у меня перерывов не намечается. – Это было святой правдой. – А ты, ежели язык франков доучишь, то отправляйся. Грамоты я тебе выправлю, денег дам. Человека в провожатые. Кстати, это не подковы там стучат? Точно, вот он как раз и подъехал.

У Ромки загорелись глаза. Мысль о том, что так бывает только в сказках, мелькнула и погасла в волнах юношеского восторга. В сених раздались голоса, топот. В горницу влетела девка, открыла было рот, чтоб что-то сказать, но не успела. Отодвинув ее плечом, через порог мягко, но стремительно переступил Мирослав и остановился перед столом.

– Знакомьтесь, – произнес князь, вгрызаясь в рябчика крепкими желтыми зубами. – Это Мирослав. – Он махнул в сторону молчаливого воина наполовину обглоданной тушкой. – А это дон Рамон Селестино Батиста да Сильва де Вилья. – Тушка почти ткнулась в грудь Ромке.

Глава третья

Возница – цыган с темной щелью на месте выбитых передних зубов – зло скалился на четверку вороных, норовящих остановиться и пощипать у дороги вялую травку. Карета ползла по разбегенным колеям, переваливаясь с ухаба на ухаб. Пассажиров немилосердно мотало от стены к стене.

В очередной раз ударившись плечом о деревянную стену, молодой человек повернулся к своему попутчику:

– Дядька Мирослав, это что же за страна такая?! Дороги кривее, чем у нас. Семь загибов на версту. А после посполитских так и совсем невмочь. Требуху выворачивает. И чего мы на корабле не поехали?

Мирослав шевельнул бровью. Ему бы тоже на корабле было сподручнее, но...

– Это на телеге ездят, а на корабле ходят, а когда под парусом – бегают, – наставительно произнес он. – Вроде Валахия. В этих лесах и не понять, где граница.

– Свят, свят, свят, – зачурался Ромка и вскинул руку для крестного знамени.

По детской привычке персты его сложились на католический манер, потом, вспомнив суровые палочные наставления Максима Грека, он соединил их в два, по-православному. В конце концов, так и не решив, по какой традиции лучше просить оберега, парень три раза сплюнул через левое плечо, но успокоения это не принесло.

Мирослав снова вскинул бровь.

– Владения господаря Дракулы. Не фунт изюму, – стыдливо оправдался Ромка. – Мне учителя сказывали, что страшный был человек. Столько людей сгубил, Ироду библейскому не снилось и Нерону римскому, вместе взятым. На кол сажал, живьем варил, а послам, которые перед ним шапки ломать не стали, гвоздями их к головам прибил. Да говорят, что он зверства эти не сам творил. Будто бы его нечистая сила на это толкала. Души невинно убиенных покоя обрести не могут, бродят по лесам, стенают. Кто их увидит, у того сердце оставливается.

– Это кто тебе этих сказок понарасказывал?

– Как кто – учителя. Особенно немец, барон Виц... Миц... герштейн, в общем, какой-то. Он у князя Андрея в палатах смуту на своей родине переживает, как зачнет вечером историю, аж мурашки по спине. И не спится потом.

– Твой барон – дурак легковверный или сочинитель. Или то и другое. Эдак он договорится до того, что Дракула кровь людскую пил и летать мог, как нетопырь. Помяни мое слово.

– Да кто в такое поверит?

Мирослав только хмыкнул в ответ.

– Дядька Мирослав, а вы откуда знаете, что тут творится?

– Что сейчас творится, не знаю, врать не буду. Времена ныне темные, смутные. Сегодня осман придет, завтра итальянец, послезавтра мадьяр, а потом еще бандит какой. А вот что пятьдесят лет назад было, доподлинно знаю.

– А скажите? – Ромкины глаза загорелись детским интересом.

– Чего не сказать? Дорога длинная, до постоялого двора еще ехать и ехать. Засветло бы успеть, а то ночью нападут твои вурдалаки. – Редкая улыбка озарила строгий иконный лик.

– Ладно, дядька Мирослав, вы сказывайте, хватит насмехаться-то.

– Хорошо, слушай. Валашского князя Влада звали Дракулой за то, что он был сыном князя Драко, дракона, значит.

– Змея Горыныча?

– Его самого. Поднялся Дракула на престол двадцати пяти лет от роду, лет шестьдесят уже тому минуло. Тогда турок пер, как бык через поле с капустой. Османы втоптали в грязь

Сербию, Болгарию, поломали Константинополь, а вот Валахию с наскока взять не смогли. Влад дал им сильный укорот. Откатился турок, замер, остановился. Дракула, наоборот, года через два сам на Болгарию двинул, крестьян православных из-под ига освобождать.

– Как Дмитрий Донской?

– Не совсем так. Победы Влада были хоть и славные, но мелкие. Сотня там, сотня здесь. Но дело свое они сделали. Тогдашний султан Мехмед Второй понял, что силой с Владом не сладить, негде тут в горах с большим войском развернуться. Вот он и задумал хитростью действовать, через окрестных князей. Кому денег дал, кого запугал, кому убийц подослал. В итоге остался князь один, без друзей, без соратников. Султану того было и надо. Хотел он свергнуть Дракулу, а на его место посадить брата-предателя Раду Красивого. Тот, даром что лицом красен, трус вырос отъявленный и златолюб, мать родную на богатство обменял бы, если бы не померла она к тому времени. Даже ислам принял, чтоб, значит, султану верность свою доказать. Валашский князь понял, что одному ему с таким врагом не сладить, и кинул клич европейским домам. Мол, выручайте братцы-христиане, а то съедят нехристи. Те на словах пообещали военную подмогу, папа римский Пий Второй денег дать собирался. Сильнее всех суетился суверен Трансильвании, венгерский король Матьяш Корвинус. Другом назывался, клялся сам помочь и других призвать. Но когда грянуло, все отвернулись. Решили, что если они сейчас помогут сильному и ловкому князю, то потом нельзя будет его окоротить. Испугались за престолы свои. – Мирослав приоткрыл занавесь и сплюнул в окно кареты.

– И что? – спросил юноша, зачарованный его рассказом.

– И остался князь с врагами один на один, – грустно ответил воин. – Он был в печали, но не сдавался. Призвал в армию всех мужчин старше двенадцати лет, жег деревни, чтоб врагу нельзя было пополнить запасы продовольствия, кидал в колодцы мертвых коней и коров, нападал из засады, подстерегал у переправ. Пленных – на кол.

– О! – воскликнул Ромка. – Значит, правду говорят? Не зря его «сажающим на кол» прозвали?!

– Прозвать-то прозвали, но сами османы. Водружал он на кол не всех, а только пленных турок, и казнь эту у них же и взял. Уж те-то сажальщики были знатные, мастера своего дела. У них люди сутками на тех колах мучились. Но много было турка, и дошел он до самих стен Тырговиште, столицы княжества, лагерем встал, костры развел. А Дракула вместе с семьей тысячами своих воинов их опередил. Из города выехал да и вдарил по лагерю, когда не ждали. Чуть до самого султана не добрался. Мехмед успел улепетнуть, а воины его потерялись, врассыпную бросились. Тут-то валахи их и порезали. Тысяч пятнадцать, говорят.

Ромка присвистнул, представив эту сечу.

– После кровавой ночи султан с испугу вернулся обратно в свой Стамбул, оставив часть войск Раду Красивому, чтобы тот сам боролся за свой трон, – продолжал Мирослав. – Но даже не предательство брата было страшно Владу. Страшнее было предательство друга. Король Матьяш сговорился с Раду и всем своим войском ударил в тыл Дракуле. Тот вынужден был отходить в Трансильванию. Прикрыв спину горами, он мог там стоять очень долго, поэтому его недруги предложили переговоры. Когда Влад пришел в стан бывшего друга, тот приказал арестовать его, обвинив в тайной переписке с Турцией. В письмах, якобы перехваченных мадьярами, Дракула будто бы молил султана его простить, предлагал свои войска для похода на Венгрию и много чего сверх того. Писем этих никто в глаза не видел, но Влада арестовали, заковали в цепи, отправили в венгерскую столицу Буду, что на высоком берегу, за деревенькой Пешт, и без суда праведного заточили в острог. Там он просидел около двенадцати лет. Говорят, его пытали, заставляли подписать бумаги с клеветой на самого себя, но Влад еще в юности побывал у османов в плену. Захудалому европейскому монарху и признать не могло то, что он там пережил. Князь вытерпел, не оговорил себя, не поставил

подпись, и проклятый Корвинус был вынужден выдумывать другие обвинения. Он лично рассказывал о злодеяниях своего вассала. Показывал всем документ, в котором говорилось о кровавых делах великого изверга, правда, читать его никому не давал. В нем говорилось о десятках тысяч замученных крестьян, впервые появились заживо сожженные бродяги, посаженные на кол монахи. Из того документа вышла и сказка о том, как Дракула приказал прибить гвоздями шапки к головам иностранных послов, и прочие истории. Подкупленные или запуганные сказители слагали легенды, сравнивая валашского князя с Иродом и прочими тиранами древности. Говорили, что во времена его правления Валахия напоминала лес из людей, посаженных на кол, совершенно не заботясь о правдоподобии своих рассказов. Ну где ты видел в этой чахлой Валахии селение, в котором можно набрать двадцать или тридцать тысяч человек, чтоб на кол их посадить? В столице-то отродясь столько не было, даже с окрестными деревнями. А потом этот Корвин устроил полный балаган. Художник Михаэль Бехайм клепал на основе доноса гравюры, изображавшие кровавого тирана, а король рассылал их по всему миру. Они у Гутенберга станок купили и книг под названием «Об одном великом изверге» напечатали больше десяти тысяч.

– А зачем они это делали, дядька Мирослав? – удивился Ромка. – Ведь Влад-то, получается, герой?

– Герой! Местные его до сих пор так его и зовут. И болгары, которых он от османа спас, и многие венгры. А сделали зачем? Да из-за денег, говорят. Мол, дал папа римский Матьяшу на крестовый поход сорок тысяч гульденов. Тот деньги утаил и свалил все на Влада. Будто бы тот с турками заигрывал, часть денег украл и им передал, а оставшаяся часть потрачена на его усмирение, долгое и кровопролитное. А там никакого усмирения не было. Влад не собирался с сувереном воевать. Он к нему, как к другу, сам пришел.

Ромка удивился. Он в первый раз видел столько страсти на лице воина. А правда ли, что он с севера, как князь Андрей полагал? Может, Мирослав, как и он сам, сын какого-нибудь дворянина, например валашского, сражавшегося бок о бок с Владом? Или скорее внук. А что волос светлый и глаз голубой, так и не такие чудеса в природе бывают.

– Дядька, а что дальше-то с Владом случилось? Его убили?

– Нет. К счастью для Влада, старый папа помер, а новый не знал или предпочел забыть о должке Корвина, зато знал о полководческих талантах Влада. Он надавил на венгерского короля, и тот выпустил Дракулу из застенка, правда, князя вынудили перейти в католическую веру и жениться на двоюродной сестре Матьяша. Да, того самого, который еще недавно честил Дракулу кровожадным змием. Обретя свободу и собрав армию, Влад вернулся в Валахию, освободил ее от османов и снова поднялся на престол.

– Так все закончилось счастливо?

– Нет, – снова нахмурился Мирослав. – Много врагов было вокруг князя. Его убили через пару лет. Голову передали в дар турецкому султану, и тот приказал выставить ее на одной из площадей Константинополя. Обезглавленное тело подобрали монахи монастыря Снагов, что неподалеку от Бухареста, и похоронили по православному обычаю.

– Но это же бесчестно! Как они могли? Как король мог?!

– Это политика, Ромка, и сила печатного слова. Знаешь, чем прославился король Матьяш?

Ромка отрицательно покачал головой.

– Просвещенностью и гуманизмом. «Со смертью короля умерла и справедливость», – причитали придворные летописцы. Или вот молдавский князь Штефан, тоже обманувший Дракулу и посадивший на кол две тысячи молдаван, румын и цыган. Его прозвали Великим и Святым. Так что ежели назовут кого Мудрым или, скажем, Грозным, ты сразу не верь, поинтересуйся, по делам их так называли или из-за звона золота в карманах летописцев.

Темный задок кареты с притороченными сумами в последний раз мелькнул меж высоких буков и скрылся из виду. Высокий человек с колючим взглядом голубых глаз и черными как смоль волосами, по горло закутанный в плащ, оторвался от подозрительной трубы и спрятал ее за пазуху. Он надел на голову шляпу с широкими полями, скрывающими лицо, сдернул с ветки уздечку и легко, почти не касаясь стремени, вскочил в седло. Стукнув в бока каблучками, всадник бросил норовистого жеребца в галоп. Следом за ним из леса выехали четыре темные тени в таких же шляпах.

Скрипя несмазанными втулками на деревянных осях, карета въехала в ворота, проделанные в невысокой стене из нетесаного камня.

– Вот и гостиница. – Мирослав потянулся до хруста в костях. – Ты иди место займи, а то суббота сегодня, местные, небось, все столы заполонили. А я к коновязи. Пригляжу, чтоб цыган лошадей почистил, да скарб проверю, потом о ночлеге договорюсь.

Ромка распрямил ноги и прыгнул на притоптанную траву, густо покрывавшую двор. Он поправил перевязь с заковыристым узором, подаренную князем, и осмотрелся. Судя по отсутствию других экипажей, о свободных местах беспокоиться не стоило.

Юноша выдохнул ртом белесый пар – к вечеру на высокогорье холодало, и пошел к двухэтажному дому, построенному из того же камня, что и забор. Он втянул носом вкусный запах хлеба, долетавший из небольшой пристройки, и заглянул внутрь.

На первом этаже была трапезная, все пространство которой занимали сколоченные из досок столы и грубые лавки, отполированные многочисленными задами. В углу уютно постреливал сырыми дровами камин. Пламя, вырывающееся из топки, обрисовывало на полу светлый полукруг и бросало сполохи на и без того красные лица троих выпивох, смахивающих не то на крестьян, хорошо заработавших на продаже последнего урожая, не то на сильно обтрепанных купцов.

Они пили что-то из глиняных кружек, короткими лезвиями пластали запеченного поросенка и запихивали в рот куски мяса, заедая их ломтями темного хлеба. Жир брызгал на их красные лица, стекал в рукава домотканых рубаш, брызгал на головные уборы, которые они почему-то не сняли за столом, и неопределенного цвета панталоны. По заливкам этих людей стекали потоки пота. Иногда кто-то из них что-то выкрикивал, а остальные принимались гоготать, на Ромкин взгляд, чересчур громко. Казалось, своей похвалой и грубостью они хотят заполнить пустоту залы и разогнать мрак, притаившейся в невидимых углах.

Невысокая, по-крысиному юркая девица появилась из-за занавески, отделяющей кухню от залы, ловко сменила деревянное блюдо с обглоданными костями на точно такое же с новым поросенком, плеснула из глиняного кувшина в опустевшие кружки новые порции кислого олуя⁹ и, увернувшись от шлепков по заду, снова умчалась куда-то во мрак.

Ромка кашлянул и сам испугался, когда его «кхе-кхе» заметалось по залу, отскакивая от каменных стен и толстых деревянных балок, поддерживающих потолок. Пропойцы вздрогнули и замолчали, но через мгновение возобновили веселье. Никто из них на Ромку не оглянулся.

Хлопая шпагой по пыльному ботфарту, он пересек зал и присел за стол на границе светового круга по другую сторону камина. Девушка выглянула из-за занавеси, стрельнула в него черными бусинками глаз и исчезла. Внутренние часы парня отсчитали минуту, потом другую. Видно, в этом заведении заказы принимать не спешили. Вспомнив, что по легенде он благородный дон и ждать не привык, юноша кашлянул еще разок. Снова пошли гулять под невысоким потолком гулкие раскаты. Троица снова притихла, а потом опять загомонила, на этот раз особенно громко и надсадно.

⁹ Разновидность пива.

Дверной проем загородила тень Мирослава. Играючи неся многопудовые баулы в мускулистых руках, он быстро проскользнул по темному залу, бросил поклажу на пол, уселся напротив Ромки, огляделся, сграбастал глиняную солонку и постучал доньшком по грубым доскам. Девица высунулась из-за занавески и снова юркнула во тьму. Вместо нее к гостям выплыл приземистый бородатый мужчина в фартуке и с закатанными до локтей рукавами. Толстые короткие пальцы хозяин заведения заложил за веревочный пояс, поддерживающий сытое пузо.

Он двинулся прямо к путникам, на ходу разводя руки в стороны, будто собираясь обнять всех разом, и остановился, не дойдя до стола пары локтей. Толстяк поклонился, заодно подметя бородой нечистый пол, и заговорил на звероголосом наречии. Ни дать ни взять медведь, поднявшийся на задние лапы.

После довольно долгой речи он перевел дух и замер в выжидательной позе.

– Чего это он, дядька Мирослав?

– Говорит, что таких дорогих гостей в его дом никогда не заносило. Он безмерно рад предоставить нам комнаты и спрашивает, не хотим ли мы отужинать, – сухой скороговоркой перевел Мирослав.

– А что у него есть? – спросил Ромка.

Мирослав произнес несколько слов с вопросительной интонацией. Хозяин просиял и снова разразился утробными завываниями.

– Говорит, что есть поросенок и легкое виноградное вино, – перевел Мирослав.

– И все? Ладно, пусть несет своего поросенка. Я его готов вместе с копытами съесть.

Мирослав повелительно тряхнул головой, отослав хозяина обратно на кухню, и оглядел зал, задумчиво покручивая в пальцах солонку. Было видно, что его что-то беспокоит.

– Дядька Мирослав!..

Тот оторвался от созерцания закопченных потолочных балок и навел на Ромку остро поблескивающие глаза.

– Дядька Мирослав, вы чего нервный такой? Все оглядываетесь, места себе не находите.

Мирослав подался вперед, обдав Ромку запахом крепкого дорожного пота.

– Хозяин себя странно ведет. Нервничает! И пьянь эта дерганая. И народу никого, хотя суббота. Работники с полей должны сегодня здесь недельный доход пропивать с местными. Ан нет.

– А вдруг у них сход какой или праздник?

– Праздники тут на рассвете начинаются, чтоб до темноты закончить. Для схода тоже поздно. Не то что-то. Ты шпагу вынь и поставь рядом. Да не напоказ, балда. Под столом, чтоб не видно было.

Ромка надул губы, но убрал ножны под стол, с тихим шелестом извлек клинок и приклонил его к скамье около правой руки.

Занавеска откинулась, пропустив в зал клубы кухонного чада. Из них, как демон из пекла, появился хозяин, улыбаясь в десяток с небольшим желтоватых зубов. В высоко поднятых руках он держал деревянное блюдо с аппетитно зарумяненным поросенком. Следом за ним семенила дочь, прижимая к груди большую глиняную бутылку с узким горлышком и две массивные кружки, родные сестры тех, которыми грохотали пьяницы за соседним столом.

Хозяин с размаху бухнул блюдо на стол. Высоко подпрыгнули крупные репки, возлежавших на которых глупо улыбался кабанчик, запеченный до хрустящей корочки. Прямо из зубастой пасти – Ромка в первый раз обратил внимание, какие огромные и острые у свиней зубы, – торчал добрый пук ароматной травы. Девица с грохотом опустила кружки на доски стола и, выдернув деревянную пробку из бутылки, плеснула до краев красноватой терпкой влаги.

– А что, тарелок не будет? – спросил Ромка, особо ни к кому не обращаясь. – А вилок? Не пристало воспитанному человеку есть с ножа.

Хозяин ничего не ответил. Девица потупила глаза и засеменила обратно на кухню, а Мирослав молча достал кинжал и срезал с бока кабанчика изрядный кусок мяса. Его челюсти заработали как мельничные жернова. Ромка вздохнул, достал свой нож и, ухватив рукой косточку, повел лезвием по бедру. Сок брызнул прямо на дорогой кафтан, нарисовав на груди темное пятно. Юный граф престонародно выругался по-русски, перекрестил рот и вгрызся в ароматный окорок.

Он потянулся за вином, но вместо кружки наткнулся на крепкие прохладные пальцы. Удивленно подняв глаза, парень увидел, что мнимый слуга одной рукой придерживает его руку, а второй поднял к носу кружку, сосредоточенно принюхиваясь к ее содержимому.

Юноша вопросительно вскинул брови. В ответ Мирослав скорчил гримасу и мотнул головой. Ромка понял, что с вином неладно и сейчас что-то случится. Не особо задумываясь над тем, что делает, он обтер пальцы о полу кафтана и потянулся за оружием.

Мирослав поднялся из-за стола и медленно, вразвалочку двинулся к кухне, выставив перед собой кружку как улику. Хозяин, появившийся из-за занавески, взглянул в его лицо, отступил, забился в угол и застыл. Что-то свистнуло. Мирослав пригнулся, и тяжелый метательный нож, рыбкой сверкнув над его головой, глубоко вонзился в плечо трактирщика. События, с грохотом опрокидывая скамьи, ловко, словно и не пили совсем, повскакивали на ноги. В их руках заблестела сталь.

Воин крутнулся на каблуках и в одно мгновение – Ромка успел заметить только размытый силуэт – оказался около стола. Он до хруста скрутил кисть одному из гуляк, толкнул в грудь второго так, что тот перекувырнулся через стол, рывком поднял на уровень груди тяжелую скамью и принял на нее выпад третьего. Мирослав сбил в сторону кинжал и, не останавливая движения, зацепил врага по виску углом скамьи. Послышался глухой удар, и третий его противник подгнившим стогом осел на пол.

Мнимый слуга без стука опустил скамью на место, не глядя, ударил подкованным носком ботинка пытающегося подняться человека. Тот откинулся назад и затих, сверкнув белками закотившихся глаз. Схватка была выиграна, а Ромка, к своему стыду, даже не успел подняться со скамьи.

– Иди сюда, – бросил Мирослав юноше, который под его ледяным взглядом смог наконец выдохнуть из груди воздух, набранный еще до начала схватки, и разлепить пальцы, до боли стиснувшие эфес. – Вязать будем супостатов.

Князь говорил, что отправит с ним отменного бойца, но юноша и не представлял, что кто-то может за считанные секунды победить трех подготовленных убийц и крупного трактирщика в придачу.

Когда Ромка приблизился к распростертым телам, воин сноровисто пеленал одного из побежденных его же поясом. Не найдя поблизости ничего подходящего, юноша нагнулся и потащил перевязь с плеча ближайшего к нему человека. Тело дернулось, заелозило по полу ногами, застонало. Ромка отпрянул с испугу и, запутавшись в ногах, чуть не свалился рядом. Мирослав, не оборачиваясь, ударил стонущего по загривку ребром ладони. Тот затих и обмяк.

Ромка утвердился на ногах, со второй попытки смог засунуть обе мягкие, безвольные руки в петлю и потянул. Раненый снова забился на полу. Ромка дернул посильнее и скривился, почувствовав, как скрипят друг о дружку кости в сломанном запястье этого человека. Мирослав тем временем уже закончил с двумя другими и бросил их рядом, одного безвольным кулем, другого – стреноженным бычком. Юный граф едва успевал следить за воином, сейчас напоминающим скорее деловитого и расторопного торговца, снующего по складу, чем непобедимого бойца.

Мирослав приблизился к хозяину, присел на корточки, положил одну руку тому на плечо и выдернул клинок из раны. Фонтанчик крови обрызгал толстую вертикальную балку. Скомкав валяющуюся рядом тряпку, воин подsunул ее под рубаху трактирщика и прижал его же здоровой рукой. Над залом повисла тишина, прерываемая только капелью вина, текущего на пол из опрокинутых кружек, всхлипываниями, доносящимися с кухни, да слабыми стонами.

– Что застыл? – сломал Ромкино оцепенение негромкий голос Мирослава. – Иди к двери, послухай, чего там. Да не открывай. И ухом не прикладывайся, вдруг стрельнут через доски. У притолоки встань.

Воин достал из баула самопал и фитиль. Чиркнул кресалом.

Такого странного оружия юноше видеть не доводилось. Мастер почти до основания стесал приклад, оставив от него только короткую ручку, а потом отпилил ствол и ложе почти до казенника, так что в дуле виднелся пыж, запирающий пулю и пороховой заряд. Посмотрев на Ромку, воин вопросительно вздернул подбородок. Тот в ответ выразительно поднял и опустил плечи. С улицы не доносилось ни звука, даже филины, в изобилии водившиеся в этих краях, притихли.

Мирослав отошел к центру зала, медленно оглядывая окна, затянутые бычьим пузырем, и прислушиваясь. Фитиль, не дрожа в твердой руке, замер около самого запального отверстия.

Ромка выждал минуту и отважился на вопрос:

– Дядька Мирослав, что это было-то?

– Засада, – коротко ответил тот.

– На нас? – удивился Ромка, хотя и так все было ясно.

Мирослав просто кивнул.

– Дядька Мирослав, а чего мы стоим-то? Бежать надо до кареты.

– Нельзя, – ответил тот тихо.

Казалось, бывалый воин весь обратился в зрение и слух.

– Неужто еще кто остался?

Мирослав снова кивнул и знаком велел Ромке замолчать, но тот не мог остановить словесный поток, выплескивающийся из него под давлением страха:

– Они снаружи? А если мы выйдем, они нас убьют? А если они сюда вломятся?

– Смолкни! – рявкнул Мирослав.

Двое в черных дублетах¹⁰, шляпах и плащах как влитые восседали на мускулистых черных конях. Низко свисающие ветви деревьев делали их почти неразличимыми в темной румынской ночи.

– Слышь, командир, – прошептал один, огромный и кряжистый, как валун в степи, зыркнув исподлобья маленькими раскосыми глазками. – Видно, этим доходягам заморским карачун пришел. – Он мотнул головой в сторону узких окон, в которых, как по мановению волшебной палочки, пропал весь свет.

– Видно, – мрачно ответил высокий худой мужчина.

– Так чего мы ждем? Кроме нас, теперь дело кончать некому.

– Ждем, пока выйдут.

– Так ведь они и до утра могут там сидеть.

– Могут и до следующей ночи, но мы все равно туда не пойдем, – отрезал командир. – Любой, кто сунется в этот дом, считай, покойник.

– Да ладно, не таких обламывали. Тоже мне...

¹⁰ Короткая приталенная куртка со стоячим воротником.

– Таких тебе встречать еще не приходилось. А уж тем более обламывать, – в голосе худого человека послышалась усталая обреченность. – У князя Андрея под началом целая волчья стая. Этот из них далеко не последний. В доме нам его не взять. Надо ждать, пока выйдет.

– А может, выкурить их? – спросил мускулистый мужчина, почесывая бычий загривок.

– Факел на крышу? – Командир внимательно оглядел дом от фундамента до кованой стрелки флюгера на печной трубе. – Не займется, а если и займется, то народ из деревни прибежит. Одно дело – оборотня бояться, – он снова улыбнулся, вспоминая, как они парой нехитрых трюков до полусмерти запугали легковых крестьян. – А другое – когда родимый трактир горит. В окна забрасывать – легко на пулю нарваться. А вот если... Я велел тебе пару картузов с порохом в седельную сумку кинуть? Сделал?

– Дядька Мирослав, ползут вроде.

Тот в ответ только кивнул. Медленно поводя головой, он прислушивался к тому, как вдоль стены крадется человек, что-то укладывает под угол дома, чиркает кресалом.

– Прячься! – крикнул воин и распластался на полу.

Ноги сами развернули юношу и понесли в дальний конец зала, под лестницу. За его спиной расцвел огненный цветок. Мимо головы полетела острая каменная крошка и горящие доски. Потом его настигла мягкая горячая рука взрывной волны, нежно подняла в воздух, медленно пронесла над столами и лавками, над связанными людьми и с размаху приложила головой и плечами о стену. По барабанным перепонкам молотом ударил грохот взрыва.

– Вперед! – прокашлял сквозь кислую пороховую гарь и горечь тлеющей соломы хриплый голос.

Пока один человек в темном одеянии поднимался с земли, похлопывая ладонями по болящим от грохота ушам и стряхивая с рукавов белесый пепел, другие бросились к дому, один из углов которого превратился в дымящиеся развалины. Достигнув его, они помедлили, оглядываясь друг на друга. Один, самый смелый, нырнул в дымящийся по краям пролом. Прошла секунда, потом другая.

Ромка сплюнул на пол сгусток крови и попытался вздохнуть. Легкие с трудом смогли раздвинуть обруч боли, стиснувший ребра. На мутное, лишенное кислорода сознание медленно накатывала темная пелена, а глаза бесстрастно отмечали происходящее.

Во тьме пролома, оставленного взрывом, появляется бесформенная тень. Мирослав бросает пищаль и еле тлеющий фитиль, стелется вдоль стены, ныряет в темноту пролома. Треск ткани, короткий задохнувшийся писк. Тишина. Мирослав вновь появляется на свету, засовывая нож за голенище, поднимает пищаль. Мельком взглянув на Ромку и убедившись в том, что тот будет жить, он приникает к краю пролома.

Командир, чья белозубая улыбка превратилась в волчий оскал, затаился под выбитым окном и обратился в слух. Изнутри доносилось только потрескивание мебели, съедаемой огнем, да скрип балок. Его человек погиб, сомнений в этом не было. Но как? Без борьбы, даже без вскрика. Что делать? Отправить еще одного? Не на верную ли погибель? Пойти самому? Шанс есть, но не настолько большой, чтобы стоило рисковать. Навалиться скопом?

Двое погибнут наверняка, скорее всего – трое. Один уцелеет и достанет. Но может и не успеть. У загнанного волка мертвая хватка. Да еще мальчик. Вряд ли он сравнится с любым из его бойцов, но сбрасывать его со счетов не стоит.

Пригибаясь, подкрался один из его людей, нагнулся к уху и забубнил, обдавая лицо густым луковым духом:

– Я внутрь заглянул. Там тела. Не меньше трех. – Он прижал большой и указательный пальцы к ладони и растопырил оставшиеся. – Хозяин крепко ранен. Тоже не жилец. Отрок раненый, но дергается. Ратник – настоящий гюрджи¹¹. Прячется где-то.

Тишину, не нарушаемую даже криками ночных птиц, взорвал грохот. Остатки рамы над головой командира вылетели из проема и, паруся ошметками бычьего пузыря, исчезли во тьме. На лицо его брызнуло что-то теплое и липкое. Подняв глаза, он понял, что смотрит в звездное небо как раз через то место, где у его человека только что была голова.

«Ну вот, – подумал он. – Все и прояснилось. Втроем нам не сладить с людьми, засевшими в доме».

– Отходим! – бросил он в темноту и ящерицей скользнул в невысокую траву.

Мирослав прикрыл глаза и опустил ствол, курящийся сизым дымком. Ромка, цепляясь ватными пальцами за неровности каменной кладки, с трудом поднялся на трясущиеся ноги.

– Дядька Мирослав, они ушли?

– Ушли.

– А вернуться?

– Обязательно. Но не сейчас.

Ромка тяжело вздохнул, отряхивая порядком запыленный камзол.

– А чего они?.. Чего им от нас надо-то?

– Знать бы, – задумчиво ответил Мирослав, хотел добавить что-то еще, но передумал, задул фитиль и положил его в один из многочисленных карманов, нашитых по всей груди. – А что тебе князь Андрей говорил, когда в дорогу напутствовал? Может, давал с собой что? Письма, бумаги?

– Нет, – с трудом перекатывая во рту вкус гари, ответил Ромка. – Только пару исподних рубаш на смену да перевязь вот. – Он ткнул пальцем себе в грудь, перетянутую кожаным ремнем с прихотливым узором.

¹¹ Волк (перс.).

Глава четвертая

Солнце играло в раскаленном зеркале воды, сияло на медных деталях, нещадно жгло глаза. Ветер лениво трепал обвисшие паруса. Ромка стоял на корме, навалившись грудью на резной леер, и смотрел, как медленно тянется из-под кормы темная струя, окаймленная белыми барашками пены. Так же медленно и тягуче текли мысли молодого графа, ни на чем не сосредоточиваясь и постепенно растворяясь в тяжелой голове.

Путешествие, сперва напоминавшее легкую прогулку, постепенно становилось все опаснее. Кто-то чуть не подорвал их вместе с постоянным двором в Трансильвании, подрубил рессоры кареты и увел лошадей. При взрыве Ромка так ударился головой, что его тошнило все две недели, пока они тряслись на старых лошадях, купленных с десятикратной переплатой у каких-то дремучих крестьян, по густым лесам и вкось распаханным полям. Болящий хребет немилосердно натирала связка с поклажей, которую с трудом удалось спасти из огня. На одиннадцатый день пути одна лошадь пала, и Мирослав шел, держась за стремя. На пятнадцатый пала и вторая. К тому времени они успели добраться до страны виноградников.

Возле поселений за лозой ухаживали, но вдали от жилья виноград рос сам по себе, заполняя все и вся. Иногда им приходилось буквально прорубать дорогу в его сплетениях.

Потом они поднимались в горы. Ромке запомнился только пустой холодный воздух, не наполняющий обвислые легкие, и волосатые люди, кидающиеся во всех путников огромными камнями под воинственные вопли.

С трудом преодолев несколько перевалов, они спустились на равнины, на которых росли пальмы и тянулись дороги, мощенные камнем. Люди здесь приветливо улыбались и здоровались с путниками по-испански, хотя сами говорили на этом языке через пень-колоду. Около одного из постоянных дворов Мирослав, как заправский цыган, увел двух горячих скакунов, на которых они добрались до Кадиса.

Всю дорогу Ромке казалось, что следом за ними крадутся какие-то неясные тени. Они не приближаются, почти не выдают своего присутствия, но и не теряют их из виду.

Сначала парень думал, что это морок, но, после того как Мирослав несколько раз, выхватывая нож, исчезал между деревьями и возвращался понурый и озабоченный, он окончательно убедился в том, что это не игра его воображения.

Но не страх был причиной его уныния, а предательство. Ромка понимал, что старый князь не счел его достаточно взрослым и самостоятельным, чтобы раскрыть истинную цель их путешествия. Отчасти его утешало то, что не знал о ней и Мирослав. На первом же привале после их бегства из догорающей гостиницы воин распотрошил все, что удалось сохранить, и чуть ли не обнюхал каждую вещь. Судя по его разочарованному виду, ничего, заслуживающего внимания, он так и не отыскал.

Ромка злорадно подумал, что его спутник не такой уж крутой, и тут же устыдился собственных мыслей. В конце концов, он был многим обязан Мирославу. Если бы не грозный окрик воина, то Ромке оторвало бы голову. Стоило признать, что если бы юноша остался в той заварухе один, то он просто дал бы себя прикончить, не сумев даже толком поранить врага. Да что там! Если бы не Мирослав, то он бы даже до границы не доехал, сгинул бы в густых лесах где-нибудь под Ржевом. Даже в переговорах с капитаном¹² каравеллы, полным, богато одетым испанцем, он был не более чем толмачом.

Иногда юноше казалось, что Мирослав просто помыкает им и не ставит ни в грош. Ромка понимал, что так и должно быть, по силе и опыту он воину в подметки не годится, но ретивое сердце не успокаивалось. Ведь именно Романа князь Андрей назначил главным.

¹² В те времена капитаном звали хозяина, а корабль вел навигатор.

Унизительность положения жгла душу как кислота, вытравливая на ней черные дорожки зависти и ненависти.

За несколько месяцев путешествия у Ромки накопилось много претензий к спутнику. Князь Андрей четко сказал, что юноша выступает в роли молодого идадьго, а Мирослав изображает его слугу. Пока они ехали по обитаемым местам Европы, тот еще пытался примерить на себя эту личину, таскал из экипажа и обратно тяжелые сумки, грел воду, следил, как распрягали и запрягали коней. Но, оказавшись на корабле, воин окончательно расстался с ролью слуги. Поселенный в кубрике с матросами, он большую часть дня проводил вместе с ними, лазал по вантам, изучал хитрые навигационные приборы, по которым в ночное время можно было определить курс.

Ромка надеялся, что, когда они прибудут на Эспаньолю, Мирослав хотя бы попытается вновь вжиться в роль, иначе, чтоб не провалить дело, ему придется призывать к порядку зарвавшегося слугу приличествующими испанскому дворянину методами – пинками и руганью. Он не очень представлял себе, как воин отреагирует на такое, но что ему, не хвосту собачьему, а дону Рамону Селестино Батиста да Сильва де Вилья не поздоровится – это он сознавал вполне отчетливо. Тогда их миссия закончится провалом. Для Мирослава, скорее всего, виселицей или бегами, а для него лично – хорошо, если парой сломанных костей. Зачем князь послал с ним такого опасного и неуправляемого человека?

Над невысокими волнами разнесся медный звон судового колокола. Ромка вздрогнул и поморщился. Он ненавидел этот звук. В первый день плавания, хвастаясь знаниями, почерпнутыми в книгах, он при всех обозвал колокол рындой. Под дружный хохот свободных от вахты матросов он выслушал от навигатора унизительную лекцию о том, что рында – это полуденный звон, а никак не сам колокол.

Восемь ударов – восемь склянок. По судовому времени четыре часа. Пора было отправляться в свою тесную каюту за шпагой, с которой он занимался ежедневно. Эти уроки волевым указом ввел в обиход Мирослав, посмотрев, как неумело, на его взгляд, Ромка обращается с оружием. Медленно и, к его чести, терпеливо он учил юношу правильно держаться на ногах, наносить удары, уклоняться с линии атаки, рубить с плеча.

Тренировались они обычно на юте – кормовой надстройке, высоко приподнятой над палубой. Под ней находились все четыре каюты – капитана, навигатора, старшего помощника и маленькая, чуть больше гроба келья, которую отвели для него, молодого испанского идадьго.

Здесь, вблизи от места отдыха всего командного состава, грубые матросы хоть немного сдерживали свой темперамент и не сопровождали его промахи унизительным свистом и улюлюканьем. А промахов было много.

Ромка сбежал по лестнице, юркнул в коридор и потянул на себя дверь, разбухшую от морской соли. Он схватил перевязь с тисненым узором, подцепил к ней ножны и выскочил обратно, под палящее солнце.

Мирослав уже стоял на корме, по-морскому расставив ноги и вглядываясь в даль, будто пытаясь раньше впередсмотрящего разглядеть на линии горизонта какой-то неясный силуэт. Опять он высматривает тех, кто преследовал их в дремучих чащобах?

Ромка сплюнул за борт накопившуюся горечь, выпятив грудь, важно прошествовал по настилу и предстал перед Мирославом. Тот еще несколько секунд, как показалось парню, демонстративно созерцал горизонт, затем медленно перевел взгляд на Ромкино лицо, посмотрел мгновение, словно не узнавая. Затем взор его прояснился, а губы тронула едва заметная улыбка.

Все люди, с которыми Ромка общался до встречи с Мирославом, в такой ситуации говорили какую-нибудь банальность вроде «ну вот и ты», «ну что, готов?» или «приступим».

Мирослав никогда не опускался до такой ерунды и не подавал виду, что ждет какой-то реакции. Пауза затягивалась.

– Я готов, – выдохнул Ромка сквозь сжатые зубы, наливаясь румянцем смущения и злости.

Желая того или нет, Мирослав снова унизил его, удостоив в ответ лишь легким кивком и едва заметным взмахом руки. Мол, в позицию.

Ромка обвел глазами палубу, на которой в предвкушении замерли матросы, охочие до зрелищ, глянул вверх, ожидаемо увидев свесившуюся из «вороньего гнезда» голову впередсмотрящего. И даже навигатор, который делает вид, что занят своими картами, нет-нет да и зыркнет бесовским черным глазом в сторону кормовой надстройки.

Выдохнув и встряхнув кистями, он встал, как учили. Подбородок чуть опущен, плечи расслаблены, правая рука свободно лежит на эфесе, но в любой момент готова выхватить клинок и нанести удар. Вес перенесен на отставленную назад ногу, чтоб в случае неудачной атаки не «провалиться» и не подставить противнику спину и затылок.

Мирослав сделал шаг. Мальчик понял, что этот урок будет необычным. В руке у мужчины не было привычной абордажной сабли с крупнозубой пилой по обуху. Он что, собирается учить, как надо обороняться голыми руками, или готовит какой-то подвох?

В груди у Ромки словно оборвался тяжелый камень и полетел вниз, наматывая на себя внутренности. Мирослав приближался. Юноше захотелось выдернуть клинок и упереть его в надвигающуюся грудь, рубануть наискось, всадить под ребра. Но он сдержал себя. Ведь это же тренировка. Или уже не тренировка? Черт...

Одним неувимым движением воин преодолел разделявшее их расстояние. Одна его рука легла на эфес клинка, так и оставшегося в ножнах, вторая сгребла рубаху юноши за ворот и чуть скрутила. Ткань впилась в горло. Перед глазами парня поплыли алые круги.

Хватка тут же ослабла, пропуская в Ромкины легкие глоток живительного воздуха, но пальцы до конца не разжались.

– Если тебе хочется достать оружие, доставай. Потом времени может не быть, – негромко произнес Мирослав и, отпустив воротник, скользнул обратно на середину надстройки.

Ромка выхватил шпагу и описал в воздухе круг острием. Но прежде чем он успел направить его на противника, Мирослав снова оказался рядом, поймал Ромкино запястье и скрутил его вниз. Юноша вскрикнул, пальцы ослабли, но шпага не успела выскользнуть из ладони.

Воин отпустил его руку и, уходя за пределы досягаемости, напутствовал:

– Не размахивай. Бей сразу.

Caramba! Разозлившийся Ромка прыгнул вслед за ускользающей тенью с единственным желанием – воткнуть два локтя отточенной стали в грудь ненавистному человеку.

Острие проткнула воздух, он сам заплелся в ногах и наверняка растянулся бы на просмоленных досках, если бы рука воина не подхватила его.

Мирослав плавно перетек за его спину и проговорил на ухо:

– Не теряй опору.

Не помня себя от ярости, Ромка рубанул на звук. Шпага с глухим стуком ударилась об мачту и завибрировала так, что загудели все кости. Стальные пальцы сдавили его предплечье. Вся правая половина тела обмякла, и парень тряпичной куклой повис на плече ратника.

– Не горячись.

Давление ослабло, к Ромке вернулась способность двигаться, но на это уже не было сил. Он чувствовал себя как собака, попавшая под колесо телеги. Мирослав, по-отечески придерживая молодого графа под локоть, довел его до скамеечки, прибитой под кормовым ограждением, и осторожно усадил. Сам пристроился рядом.

Помолчали.

Мужчина в своей обычной манере, юноша – просто потому, что не знал, что надо сказать. Он был избит и растоптан с потрясающей легкостью и невероятным изяществом. Ромка чувствовал себя странно. Он был благодарен Мирославу за то, что тот не валял его по палубе, как куль с мукой, и не позорил перед матросами, но от этого ему почему-то было еще обиднее.

– Мальчик, – негромко позвал Мирослав.

Ромка вздрогнул. Он не ожидал, что суровый воин первым прервет молчание.

– Ответь мне, в чем суть боя?

– Суть?! В победе, конечно! – не задумываясь, выпалил молодой граф.

– Нет, победа – это цель, а не суть.

– Ну и что? Какая разница? Ведь главное – победить.

– Да, – кивнул мужчина. – Но, не понимая сути, ты не сможешь побеждать.

– А если буду понимать, то это сделает меня непобедимым, – с сарказмом заявил юноша.

Он был рад лишний раз уколоть Мирослава, все время оказывающегося правым, что бесило парня больше всего.

– Нет, – улыбнулся тот. – Но сильно повысит возможности.

– Так чего понимать-то надо?! И зачем вы меня так? Я ведь не глупый, мне же и словами можно. – Он совсем по-детски шмыгнул носом. – Я ведь пойму.

– Хороший пример стоит многих слов.

– А чего пример-то? – снова заныл Ромка. – Отвесили тумачков, аж в глазах засверкало, и все.

– А почему отвесил? Почему ты как рябчик в силке бился, а сделать ничего не смог?

– Как почему? Вам и лет больше, и учились вы эвон сколько, а я-то чего? Разве что по праздникам на кулачках.

На лице Мирослава мелькнуло подобие улыбки.

– На кулачках, значит? А чего же ты не бил, когда я близко подходил?

– Так у меня ж шпага была, – воскликнул Ромка.

– И помогла она тебе?

Тот потупился, задумался. В глазах Мирослава неярко разгорелись огоньки радостного ожидания.

– Нет, не помогла, – тихонько выдохнул он. – Длинная очень.

– Правильно. Когда я вблизи оказывался, надо было ее бросать и коленом или локтем двигать.

– По-подлому? – изумился Ромка.

– И по-подлому. Настоящий бой – это либо ты, либо тебя.

– Так вы к тому клоните, что в бою все средства хороши?

– Не все, – в голосе Мирослава появились наставительные нотки. – А только те, которые приведут к победе. Быстро и легко.

– Это и так понятно.

– А раз понятно, почему ты тогда позу на себя напускал? – голос Мирослава стал громче и гуще. – Зачем вертелом своим перед носом крутил? Пугать меня вздумал?!

– Вас напугаешь! – отпрянул мальчик, увидев прямо перед собой два холодных узких зрачка.

– Точно. Я не тот человек, чтоб меня пугать. Меня надо бить сразу. Насмерть. А вот портовых забияк, к примеру, стоит пугнуть, чтоб не лить кровушку понапрасну. Понимаешь?

Ромка задумчиво кивнул, усваивая простые истины, открывшиеся для него по-новому.

– Пойдем возьмем у боцмана ведро, водицей окатимся, а то употели, через час псиной будем вонять.

- Да я уже... – поморщил нос молодой граф.
- Тем более.

Длинная узкая лодка, связанная из стеблей тростника, ткнулась носом в золотистый песок. Два гибких черноволосых гребца в набедренных повязках из пальмовых листьев бросили на днище весла, выструганные из цельного куска дерева, спрыгнули в воду и затащили посудину на берег. Высокий человек в длинном плаще с красным от южного солнца лицом легко перемахнул через борт. Следом за ним грузно перевалился высокий громила с матерчатым чехлом за спиной.

– Ну и духота, – пробормотал он, утирая рукавом вспотевший лоб. – Как у султана в гареме.

- А ты там бывал? – спросил высокий человек, обнажив в улыбке крупные зубы.
- Нет, но надежды не теряю.
- Не разочаруйся смотри.

– А что, там так плохо? Фонтаны, бассейны, гурии вокруг, одетые только в собственную стыдливость...

– Только ты учти, там не только жены султана живут, но и матери их, и их матери, и жены предыдущего султана. А они с возрастом не хорошеют. Да не забудь, что дети сопливые тоже там бегают, лезут везде. Шум, гам!

– Так ты, Тимоха, выходит, в гареме бывал, – присвистнул громила.

Его товарищ отмахнулся, вспрыгнул на камень и достал из-за пазухи небольшую подозрительную трубу. Второй завозился на песке, устраивая в тени большого валуна тюки и футляры. Превозмогая приливную волну, аборигены столкнули тяжелую лодку обратно в воду. Тот, что покрупнее, встал на одно колено почти на самой корме. Попеременно погружая весло то с одного борта, то с другого, погнал лодку вдоль берега короткими толчками. Тот, что постройней, улегся на самом носу и свесил голову за борт, покачивая в мускулистой красно-коричневой руке короткую палку с наконечником из рыбьей кости.

Высокий человек слез с камня, лег и задремал, натянув на голову плащ. Громила покачал головой. За все время их знакомства он ни разу не видел, чтоб его компаньон снимал эту длинную тряпку. Он мог расстаться с колетом, камзолом, остаться в батистовой рубашке, как сейчас, или даже с голым торсом, но плащ!.. Громила хмыкнул, отбросил пальцем наглого краба, вознамерившегося вырыть норку прямо под его ногой, разложил вокруг себя несколько пакетиков с ингредиентами и принялся смешивать адское зелье.

Теплая забортная вода лилась на затылок, стекала по изрядно отросшим волосам и тут же высыхала на просмоленных досках. Ромка отфыркивался, ловил влагу горстями, размазывал ее по загорелой шее и белой груди, пытаясь выжать хоть каплю прохлады. Вскоре соль засадила кожу, и он вынырнул из-под струи, перехватив у Мирослава деревянное ведро. Поймав за руку проходящего юнга, молодого человека с томной отстраненностью в глазах, Ромка знаками велел ему набрать воды. Судя по всему, морская часть путешествия подходила к концу, и ему надо было входить в образ гордого испанского гранда.

Тот пожал плечами, намотал на кулак конец тонкого линя, перебросил ведро через борт, начал вытаскивать, случайно зацепил ободом за леер, и вода выплеснулась частью обратно в море, частью на Ромкины сапоги. Тот вспыхнул, дернулся, схватился за бок в том месте, где обычно висела шпага. Не найдя ее, он смутился окончательно и потух. Юнга спокойно вынул из-за борта второе ведро, поставил его на палубу и хладнокровно удалился.

Ромка застыл истуканом, раздувая ноздри и пыхтя. Пальцы его сжимались и разжимались, как щупальца каракатицы, вытащенной из воды. Ноги выделяли какие-то странные кренделя. Чтоб не молчать и не стоять столбом, он пнул какую-то деталь, торчащую из

палубы. Та оказалась прибита намертво, и к Ромкиным несчастьям добавился ушибленный палец. Ведро упало, и вода растеклась по палубе.

– Вот посудина, – ругнулся Ромка. – Наприбивали тут. И не развернуться вовсе.

Мирослав, не разгибая спины, повернул голову и посмотрел на юного графа долгим внимательным взглядом.

– Что, дядька Мирослав? Скажете, не прав я? – пробурчал Ромка, примеряясь к большому неудобному ведру.

– Эта каравелла – один из лучших кораблей на всем белом свете. Ходкая, маневренная. Кубрик есть. Если бы ты видел, на чем Колумб Америку открывал, то пренебрежительно об этой «посудине» не отзывался бы.

– А чего такого не было на тех кораблях?

– Да почитай ничего. Верхней палубы не было, только надстройки, кормовая да носовая, бак и ют по-морскому. Да домик у передней мачты. Там люди, свободные от вахты, навалом спали. Тут же грузы, кони, пушки, все в кучу. В бурю даже придавливало спящих иногда.

– И Колумб так? – удивился Ромка.

– Нет, Колумб в надстройке спал, на корме, как ты сейчас, а вот все остальные... Первые каравеллы мало отличались от варяжских драккаров, парусной оснасткой разве, а так лодка лодкой.

– Дядька Мирослав, а правда, что варяги в Америке еще двести лет назад побывали?

– За двести не поручусь, а что были – это точно. Только они северней ходили, через Исландию и Зеленую землю. Грин ленд, – пояснил он, увидев, как лезут вверх от непонимания Ромкины брови. – Это зеленая земля по-нашему.

– А почему об этом континенте не знал никто?

– Да варяги – они люди такие, ты с ними по-человечески, торговать, соседствовать, а они тебя в полон. В рабство. Кому охота с такими сведениями обмениваться?

– Прямо сразу в рабство? Как татары?

– Не так, как татары, конечно. У варягов рабы с хозяевами в одном доме спят, с одного стола едят, одной шкурой укрываются, но все равно. Рабство – оно и в Эфиопии рабство.

– А Эфиопия, это где?

– Это далеко. За Мавританией. Но я не о том, я о варягах. Так-то они борзые, а вот если дать им по сопатке, так сразу зауважают.

– Дядька Мирослав, а отчего так?! Я вот и по мальчишкам во дворе заметил! Если ты с ними вежливо, куртуазно, как франки говорят, так они тебя харей в грязь. А если ты их харей в грязь – они тебе почести, как королю.

– От слабости все. Слабый боится, что кто-то его слабость учует и ткнет харей в грязь, а сильному этого бояться не надо. Он может быть куртуазным.

– Так, а если...

– Отрок, – строго оборвал его Мирослав, – я воды-то дождусь?

– Тиерра! Тиерра! – донеслось из «вороньего гнезда». – Земля!

Все свободные от вахты матросы кинулись на нос, обезьянами повисли на снастях. Ромка, свесившись за борт, в радостном нетерпении силился увидеть то, что несколькими минутами ранее разглядел со своей площадки впередсмотрящий. Наконец ему удалось разглядеть какую-то неясную дымку на горизонте. Постепенно она превратилась в тонкую черную полосу.

– Эспаньола! – заорал Ромка, сорвал с шеи красный платок и замахал им, как флагом.

Все, кто был на борту, подхватили его крик.

– Чего разорались, как тюлени на лежбище! – перекрыл гул голосов рокочущий бас. – До Эспаньолы далеко еще. Это острова, лежащие перед ней. Тут первый, здоровый, потом

маленькие пойдут, один за одним, как бобы в стручке. Насмотритесь. По местам, каракатицyno отродье!

Матросы глянули на боцмана, кряжистого детину с красными набрякшими кулаками, и неохотно стали спускаться с лееров и вант.

Ромка пошел к Мирославу, сжимая губы, чтоб не выпустить на них улыбку, но тот лишь по-отечески хлопнул его по плечу и улыбнулся сам:

– Доплыли, паря!

– Ага, доплыли. А то я извелся что-то совсем. Месяц на твердой земле не стояли.

– Ходкий корабль, – отозвался Мирослав. – И кормчий попался знатный, ни разу с пути не свернул.

– А как вы определили?

– По звездам да по времени. Ежели бы он хоть на полрумба левее или правее взял, так мы еще неделю плыли бы. Знатные все же моряки эти гишпанцы. Хозяева морей.

– А русские хуже?

– Наши-то? – Мирослав задумался. – Наши в силе, когда Борей налетит. Когда волны выше мачт. Тогда жилы порвут, но выплывут. Корабль из бури на руках вынесут. На доске из ледяного окияна выплывут. А вот чтоб тридцать дней и ночей по звездам, да с курса не сбиться, это нам, русичам, тяжело. Поэтому далеко и не ходим пока.

– А будем?!

– Кто знает? Для этого твердая рука потребна, которая сможет мужиков с печи снять да как следует подтолкнуть. Тогда они далеко покатятся.

– Не зря, значит, говорят «русские долго запрягают, да быстро едут»?!

Мирослав присел на рундук, принайтовленный в тени мачты, Ромка пристроился рядом, прямо на палубе.

– Не зря, если, конечно, про тот самый толчок не забывать.

– А варяги?

– Варяги? – переспросил Мирослав, и на лицо его набежало темное облачко грустной мысли. – Варяги с давних пор силу большую имели. Неистовость. Чуть что, впадали в берсерк, это воинское бешенство такое, и рубили супостата направо и налево. А сейчас мельчают. Сила в них есть еще, да уходит потихоньку.

– Почему?

– Расслабились. Давеча-то они чуть что – поединок, в котором сильнейший выживал. Хилых и слабых сразу на меч али в омут. Выродков всяких, пьяниц, убогих да юродивых, да калек. Девку сватали не за первого встречного, а за самого сильного – из тех, что холостыми остались, конечно. И потомство было – один сотни стоил, если вырасти успевал. А сейчас у них там все нравы смягчились. Детей кривых-косых оставляют. Конунги при своих дворах пиитов завели да песенников, чтоб слух ласкать. Театру при свейском дворе играют. Девки отбились от рук и стали больше на красивых смотреть, чем на доблестных.

– Так что ж в этом плохого, ежели младенцев убивать перестали? Нешто Богу угодно, чтоб хроменького али слепенького на меч.

– Да поди разбери, чего ему угодно, – горько промолвил Мирослав. – Но вот если кривой, хромой да полоумный – от пиитов да красавцев всяких такие часто рождаются – вырастет да детей заведет, они тоже будут кривые, хромые да полоумные скорее всего. Поколений пять – десять, и вот тебе уже толпа спиногрызов. Сами дел не делают, а рты разевают. Корми, мол.

– Так что ж, не кормить? Пускай подышают? – Ромка даже на ноги вскочил от возмущения.

Мирослав смерил его суровым взглядом и покачал головой:

– Я тебе не про то толкую, что делать, а про то, кто виноват. Варягов выбор, пугать резными носами своих драккаров весь Старый и Новый Свет или тихо превратиться в леже-

бок на задворках мира. Но если они длить свое разложение не перестанут, если к обычаям отцов не вернуться, так и будет.

Ромка сел на палубу, понутив голову.

– И пример вон перед глазами, – продолжал Мирослав.

– Империя Священная Римская? – встрепенулся Ромка.

– Лепо тебя князь учил, – усмехнулся Мирослав. – А рассказывал, что под конец одно название осталось? Священная, – протянул он, словно пробуя слово на вкус. – А сами погрязли в праздности, чревоугодии и содомии. Отвыкли руками работать, все на рабов свалили. Да и головой. У них колоний много было, и все таланты оттуда в Рим стремились. Слышал небось «Все дороги вдут в Рим»?

Ромка кивнул.

– Вот-вот. Приедем-то этот Рим что? Пустой звук. А сами римляне так разленились, что не смогли с каким-то Атилой-гунном справиться. Даже сдохнуть, сомкнув зубы на горле врага, не смогли. А там варваров-то этих было, – Мирослав досадливо махнул рукой, – пара тысяч, а империю, которая в кулаке полмира держала, враз с землей сровняли. Повалили, как колосса с глиняных ног.

– Но когда над тобой все время меч висит, тоже несладко, – проговорил Ромка.

– Мал ты, – хмыкнул Мирослав, – чтоб про тот меч понимать. Да вырос под крылом князя Андрея. В тепле и сытости. А вот побыл бы ты да хоть на месте князя или вон царя Ивана да сына его Василия-царя. Попробовал бы сильное государство сколотить, вмиг захотел бы восточным деспотом стать. Или ханом ордынским, чтоб нагайками всех... Ладно, Ромка. Такие разговоры смысла не имеют, а до топора и плахи могут довести, ежели где по глупости их вести станешь. Давай-ка закругляться потихоньку, мне до ночи нужно еще рубаху починить, да и тебе б надо собой заняться. Придем скоро.

Юноша отправился к себе в каютку, пересмотрел вещи и лег, но сон не шел. Считая ребрами засохшие комья соломы, Ромка второй час в жуткой духоте крутился на матрасе, брошенном на старый гамак. Наконец это ему надоело, и он вышел на палубу. Ночной ветерок дернул его за отросшие локоны, коснулся лица, но прохлады не принес.

Судно не двигалось. Навигатор не решился вести его в темноте, боясь напороться на риф вблизи малоизученных островов, да и лот показывал якорную глубину. Рядом с неярким фитилем, укрепленным в кованом поставце, дремал вахтенный. Голова его клонилась к груди, в какой-то момент он просыпался, скидывался, осматривался осоловелыми глазами, а через несколько секунд вновь начинал клевать носом. Второй вахтенный откровенно спал, свернувшись калачиком у носовой пушки.

Ромка присел на корме, подальше от молодецкого храпа, доносящегося из распахнутого люка, ведущего в кубрик, достал из-за пояса короткий кинжал – Мирослав приучил его не расставаться с оружием даже в гальюне – и принялся со скуки полировать ноготь острым лезвием. Чуть не раскровянив палец, он тихо чертыхнулся, сунул клинок в ножны и решил размяться.

Вдоль крутого изгиба борта он дошел до носа, полюбовался на спящего вахтенного, развернулся и двинулся обратно, всматриваясь в очертания горы, едва заметной в неровном свете звезд.

Шум? Возня? Дельфин? Или летучая рыба, пролетев с пяток саженей, плюхнулась светлым брюшком в темную воду? Нет, будто бы кто-то по борту скребет. Может, это один из многочисленных морских гадов, которыми бывалые моряки любили пугать салаг, не нюхавших моря? Вдруг они случайно разбудили гигантского кракена, способного обвить корабль щупальцами и утянуть на дно, или морского змея, у которого один зуб больше, чем фок-мачта их каравеллы? Юноша опасливо приблизился к борту и свесил за леер кудлатую голову.

Внизу, едва различимая на фоне темной, слегка фосфоресцирующей глади океана, покачивалась лодка. На корме расположились два худых, почти голых человека, судя по описаниям из читанных книг – аборигены. Они попеременно опускали в воду весла, удерживая тростниковую лодку на невысокой волне. Нос посудины скрывался за крутым изгибом борта, в неверном свете звезд были заметны только ноги, обутые в добротные сапоги. Они ерзали так, будто их хозяева пытались что-то оторвать от обшивки каравеллы или проковырять в ней дыру. Потом раздался негромкий стрекот кремня по кресалу. Блеснул неяркий отсвет, что-то загорелось.

Один из людей, находящихся на носу, видимо, подал гребцам сигнал. Лодка крутнулась почти на месте и ходко пошла обратно к берегу. Прежде чем она растворилась в непроглядной тьме, один из сидящих на носу мужчин, явно европейцев, заметил голову над леером и отпустил в ее сторону приветственно-издевательский жест.

За секунду перед мысленным взором юноши пронеслись странные преследователи, идущие за ними по диким лесам и предгорьям, загадочные обвалы, пожары и страшный взрыв в гостинице. Он перемахнул через леер, солдатиком, почти без всплеска погрузился в теплую соленую воду, вынырнул и, отфыркиваясь, как тюлень, поплыл к горящему тряпичному жгуту, свешивающемуся почти до самой воды. Другой его конец уходил в круглое отверстие, сделанное в небольшом пузатом бочонке, прикрепленном к просмоленному борту, поросшему водорослями. Ромка понял, что в бочонке порох, взрыва которого хватило бы на то, чтоб разнести корабль в клочья.

Поднырнув под адскую конструкцию, он забил ногами и дельфином выскочил вверх, стараясь перехватить горящий жгут повыше коптящего борт огонька, но попал рукой почти в самое пекло, вскрикнул и в облаке брызг вновь погрузился с головой. Морская соль вгрызлась в ожог сотней разъяренных ос.

Забив ногами, он вытолкнул себя на поверхность, с трудом приподнял голову над гребешками невысоких волн, снова вытянул вверх руку, на этот раз другую, и опять рванул. Пальцы вцепилась в промасленную веревку там, куда он и метил, но все равно получилось слишком близко к огню. Опалило и вторую ладонь. Пахнущее скипидаром масло, которым был пропитан импровизированный запал, тонким слоем покрыло его запястья и потекло вниз, к локтю. На мгновение стало легче, но потом масло вспыхнуло. Огненный шар опалил ресницы и брови.

Ромка задергался на веревке, рванулся. Что-то хрустнуло, затрещало, и бочонок плюхнулся в воду, чуть не ударив парня по темени.

– Эй, кто там бултыхается? – спросил сверху заспанный голос.

Ромка захрипел и чуть снова не погрузился с головой. Сейчас этот трескучий баритон был для него слаще пения сонма ангелов.

– Дон Рамон, вы, что ли?

Ромка попытался ответить и хлебнул изрядную порцию морской воды.

– Вот угораздило же благородного, – проскрипел голос. – Эй, Миро, твой хозяин решил искупаться на ночь глядя. Иди вылавливай.

Над едва различимым краем борта рядом с красным платком, повязанным на голове вахтенного, мелькнула светлая грива Мирослава. Он оказался около леера так быстро, как будто стоял рядом и только и ждал приглашения. Еще быстрее он перекинул свое худое тело, перевитое канатами мускулов и тонкой светлой повязкой на бедрах, через борт и оказался в воде.

Ромка воспринимал все как-то отстраненно, туманно. Всплеск, небольшой фонтан брызг, и вот уже под спиной надежная опора. Можно немного расслабить гудящие мышцы и поднять над жгучей водой обожженные руки. Рядом падает канат, и Мирослав нежно, словно пеленая ребенка, обвязывает его поясицу удобной петлей. Матросы, привычные к снастям,

легко поднимают на палубу обмякшее тело. Мирослав что-то замечает в волнах, разжимает пальцы и, отталкиваясь от борта, касаткой входит в темную воду. Он выгребает обратно одной рукой, а второй опирается на бочонок, не успевший взорваться.

Ромку переваливают через борт и кладут на палубу, снова сбрасывают канат за борт и тут же, словно по мановению волшебной палочки, рядом оказывается Мирослав. Он присаживается на корточки рядом с Ромкиной головой, что-то говорит, но парень не может разобрать слов из-за стука крови в ушах. Мнимый слуга показывает ему предмет, из-за которого тот чуть не утонул.

Это действительно бочонок, но не простой. Задняя стенка – не скругленная, а плоская. На ней острые штырьки, которыми бочонок цепляется к поверхности. Все они погнуты Ромкиной тяжестью. Размочаленный обрывок фитиля не просто засунут в горловину, а закреплен в специальной трубочке. Острый запах скипидара, селитры, серы и почему-то свинца. Почти так же пахло в химической лаборатории княжеской дружины, когда в ней готовили специальные подрывные заряды.

Опершись на чью-то руку, Ромка оторвал голову от палубного настила.

– Дядька Мирослав, нас порвать хотели?

– Подорвать, – поправив юношу, угрюмо кивнул он головой. – Да, хотели. И опять непонятно, кто и за что.

Ромку неприятно кольнуло, что Мирослав сразу перешел к делу, не отметив его героической роли в спасении корабля и команды, но такова уж была суровая натура воина. Пора бы с этим смириться.

– А может, не нас? Может, другого кого?

Мирослав не стал даже отвечать, просто отмахнулся от этого предположения.

– Сейчас буча выйдет, – пробормотал он, глядя на быстро приближающегося капитана, подпрыгивающего от возбуждения. – Перетолмачь, что говорить будет.

– Вы должны немедленно покинуть мой корабль, – негромко перевел Ромка бессвязные крики капитана. – Остальное – ругательства. Грязные.

– Следовало ожи... – начал Мирослав, но закончить не успел.

Борт корабля сотряс тяжелый удар. Доски настила выгнулись под ногами людей кошачьими спинами, задрожали и взметнулись в небо грудой щепок. Крышка люка, ведущего в трюм, соскочила с креплений и полетела, сметая ребром все, что было на палубе.

Мирослав развернулся спиной к надвигающейся стене, крепче прижав Ромкино лицо к своей груди. Крышка, твердая и теплая, как бок печки, подхватила его под ягодицы, подняла над леером. Ромкины ноги стукнулись о брус, венчающий борт. Тело дернулось, но Мирослав не выпустил его голову. Как летучий ковер из сарацинских сказок, крышка понесла их над темной водой. Из отверстия в палубе вырвался огненный смерч, прыгнул следом, лизнул темные доски и отступил. Еще до того, как русичи погрузились с головой в темную воду, корабль превратился в столб пламени, перечеркнутый черными строчками полыхающих снастей.

Двое мужчин, развалившихся на большом покатом камне, вздрогнули, когда их ушей достиг грохот взрыва, но не оторвали глаз от величественного и страшного зрелища.

– Огонь и вода, – задумчиво протянул один, худой и бледный, завернувшийся в глухой черный плащ. – Единство и борьба. Два полюса смерти, противоположные воздуху и земле – полюсам жизни.

– Чего? – переспросил второй. – Опять ты мудрено...

– Балда, – беззлобно отозвался первый. – Неуч.

– Как не по-нашему кукарекать, так балда, – немного даже обиделся второй. – А как заряды закладывать, так умный. Вот посуди, Тимоха, если бы я не придумал вторую бочку

под скулу подвесить, то что бы мы сейчас делали? Лежали бы на песочке да крабьи клешни сосали, – ответил он сам себе. – Вишь, малец-то шустрый какой вымахал. Нашел один заряд и снять не побоялся.

– Просто он не знал, что это, вот и не испугался. А сколько христианских душ на тот свет отправили?! – процедил сквозь зубы тот, кого называли Тимоха. – Три десятка, не меньше.

– Да ладно, какие они христиане, нехристи совсем, – взвился второй. – Идолищам молятся, как язычники.

– Не идолищам, а статуям, – наставительно поднял вверх палец худой. – Да книжки читают на латыни а не на церковнославянском. А в остальном такие же, как ты. Молятся Отцу, Сыну и Духу Святому. Детей крестят. Только вот статуи эти... Ты в приличном обществе не брякни, что католики – нехристи. Христиане они. А то, что веры православной, от византийских императоров пришедшей, не до конца разделяют, так заблуждение то. А заблуждение не грех. – Он снова наставительно поднял вверх большой палец. – Понял?

Второй собеседник молча кивнул, уже давно привыкнув к странным речам напарника, которыми он разражался после каждого крупного смертоубийства. Но вдруг его насторожила мысль.

– Я не понял, почему такие же, как я. Ежели я веры православной, от Византии, – он мелко перекрестился, – а ты не такой, как я. И не католик?

– Ладно, нечего разлеживаться, пойдем берег осмотрим на всякий пожарный, – оборвал его Тимоха. – Да пора проводников наших из-под камня вытаскивать – а то забились, дрожат, как оленьи хвосты, – он пренебрежительно кивнул на молитвенно сгорбленные спины двух индейцев, насмерть перепуганных грохотом взрыва, – да к дому править.

– Думаешь, кто выжить мог? – с сомнением спросил второй.

– Мог – не мог, решает бог, а наше дело прыг да скок, – неожиданно срифмовал строчку Тимоха, что свидетельствовало о прекрасном настроении доморощенного пиита.

Мирослав высунул из-за камня всклокоченную голову, покрытую смесью песка и крови. На берегу было тихо. Несколько раз ему мерещился шорох гальки, осыпающейся под чьими-то шагами, и плеск весел, но поручиться, что это не морок, он не мог. Голова невыносимо гудела после удара о какую-то доску. Соль раскаленным прутом жгла разорванный бок. Мелкие морские гады щекотали кожу острыми коготками, пытаясь добраться до теплой алой жидкости, окрашивающей воду в розоватый цвет. Хорошо, что в огромную ванну, вырытую большой сплюсненной рыбой, похожей на палтуса, не могли забраться твари покрупнее. Воин явственно различал скрежет и щелканье их челюстей, рвущих на части труп той самой рыбы, почти пополам разрезанной его острым клинком.

Ромка тихонько застонал. В ночи над водой звуки разносятся очень далеко. Мирослав в очередной раз взмолился всем богам, чтобы люди на берегу, если они все еще были там, не услышали этого стога. Тогда они придут и доделают то, чего не смогли завершить огонь и вода.

Глава пятая

На севере рассвет наступает постепенно. Сначала мир превращается из черного в серый. Потом появляются первые тени, густеют. Предметы постепенно выступают из сумрака, приобретая все более четкие очертания, и наконец проясняется горизонт. В тропиках утро приходит неожиданно, словно какой-то атлет метает в небо солнечный диск, который немедля начинает огнем жечь непривычную кожу.

Мирослав разлепил сухие губы, стряхнул с ресниц колючие песчинки и выглянул из-за камня. Разорванный бок отозвался жгучей болью. Выругавшись про себя, он попытался припомнить ночные события.

Память, извлекая из своих темных уголков какие-то обрывки, валила их в одну кучу. Взрыв, огонь, боль. Он тащит едва трепыхающегося Ромку за ворот. Сверкает лезвие ножа, пластая огромную, плоскую, как тарелка, рыбу с полуметровым шипом на конце гибкого хвоста. Удар в живот. Нет, удар был не на мелководе, а подле борта, а парня он тащил уже после взрыва, но до того, как, захлебываясь морской водой, пытался удержать над водой голову и одновременно увернуться от сыплющихся с неба горящих досок. А Ромка... Ромка! Где?!

Позабыв о ране, Мирослав вскочил на ноги, скорчился от резкой боли, но устоял, оглянулся. Он на берегу. Как выбрался из ванны и дополз, память не сохранила, ну да и не до того. Ромки нет! Следы?! Тоже нет! Прибой их смыл. Кричать?! Но тогда на его вопли могут отозваться преследователи, ироды, подорвавшие каравеллу и отправившие на небеса десятки душ, пусть даже не самых невинных.

Мирослав сплюнул на песок горечь прошлой ночи и двинулся по пляжу, внимательно оглядывая каждый камень и каждый куст в полосе густой зеленой растительности, подступающей к самому песку. Сам не замечая, он брел на восток, навстречу солнцу. Никого. Никого. Опять никого. Даже трупов на берегу нет. Их унес отлив либо какие-то крупные хищники. Кто его знает, какие твари тут водятся.

Мирослав пошатнулся и, чтоб не упасть, присел на камень. Он посмотрел на рану. Плохо. Ее зеленоватые края, промытые морской водой, пульсировали, толчками выпихивая капли темной крови. Если всю ночь так текло, то в его теле красной живительной влаги осталось едва ли вполовину.

Покрякивая, мужчина стянул через голову полотняную рубашу, приложил ее к ране и огляделся в поисках какого-нибудь длинного стебля, которым можно было примотать ткань к телу. Взгляд его не цеплялся ни за что, кроме камней, обкатанных приливом.

Куда все-таки делись тела и обломки? Может быть, тут есть какие-то туземцы, растащившие по домам все, что выбросило на берег море? Это плохо. Мирослав читал, что испанцы заставляют их работать на своих плантациях, жестоко наказывают, казнят, иногда даже с особым зверством. Если местных не минула чаша сия, то они должны относиться к белым завоевателям без особой любви.

Если мальчик погиб, то задание провалено с треском. Можно собирать котомку и отправляться в обратный путь. В том, что он вернется в Москву, воин не сомневался. Рана неприятная, но не смертельная. Испанских и португальских слов, которых он нахватался в кубрике, вполне хватит, чтоб объясниться с каким-нибудь капитаном или навигатором. Денег он достанет – Мирослав сунул руку за голенище и нащупал оплетенную берестой рукоять ножа – или может наняться матросом. Со снастью он умеет обращаться лучше многих. Только бы с местными не встретиться. Надо замотать рану, найти источник, потому что пить хотелось страшно, и отлежаться в кустах до темноты.

– Дядька Мирослав! – спугнул с веток мелких пичужек высокий мальчишеский голос. – Я вам воды принес.

Вот дурень, чего орет! Но сердце воина наполнилось теплом и нежностью – живой.

– Ш-ш-ш-ш ты, – зашипел Мирослав. – Беду накличешь.

Ромка сразу сник, как-то даже скорчился, быстро подошел к старшему товарищу и протянул ему большой лист заморского растения, свернутый наподобие чаши.

Мирослав принял ее, как драгоценность, и одним глотком опорожнил досуха. Рана закровоточила сильнее.

– Дядька Мирослав, да у вас же кровь! – воскликнул юноша.

Воин ничего не ответил, только посмотрел искоса. Мол, а то я сам не знаю.

– Давайте я повязку наложу, – тараторил Ромка, доставая из кармана батистовый носовой платок с вензелями. – Только погодите, я там травку видел. Целебная. В свитках князя Андрея о ней сказано было, – его голос исчез за кустами чуть позже самого юноши.

Мирослав покачал головой – крепок отрок. Вчера казалось, перед Богом скоро предстанет, а сегодня скачет, как козлик молодой по весенней травке. Крепкая порода. Однако не вляпался бы он в историю. Пресноводные источники не так часто встречаются на побережье, чтоб к ним не ходили звери или люди.

Мирослав снова оглянулся в поисках чего-нибудь, могущего сойти за оружие, и снова поразился девственной чистоте берега. Загадка.

Ромка выскочил из кустов, гордо неся перед собой пук какой-то широколистной травы и платок, смоченный водой. Завернув одно в другое, он положил сверток на камень, вторым, поменьше, в несколько ударов растолок все в кашу и примотал все это к ране рукавами рубахи.

– Ну вот, – полюбовался он результатами своей работы. – До свадьбы заживет.

Мирослав хмыкнул, но не смог сдержать улыбку:

– Спасибо, дон Рамон.

– Да ладно, – отмахнулся тот, смутившись – похвала не часто слетала с губ русского воина. – Пустое. А чего вчера приключилось-то?

– Погоди про вчера. Ты воду где брал?

– Да там. – Он махнул рукой. – Ручеек течет.

– Велик?

– Не, не велик, ладони четыре.

– Следы по берегу видел?

– Да были вроде какие-то. Не то копыта, не то... вроде снова копыта, только странные. Я таких раньше не встречал.

– А человеческие?

– Нет, человеческих не было. Я бы заметил. Э... Наверное.

– Дымом, может, пахло? Едой?

– Нет, еду я почуял бы, – самодовольно улыбнулся Ромка, поглаживая впалый живот. – Жра... Есть-то хочется.

– Да, есть охота, это точно, – задумчиво проговорил Мирослав. – Найди в лесу палку попрямее, поболее сажени чтоб, – велел он. – Да не ломись, как косолапый через бурелом.

Юноша тут же скрылся между деревьев. Хмыкнув, Мирослав вынул нож и стал смаывать с ручки тонкие полоски специальным образом выделанной бересты. К тому времени, как Ромка вернулся, неся идеально ровную палку, словно отполированную дождями и ветром, перед Мирославом лежала кучка дранки. Взяв будущее древко, он прорезал один его конец на глубину ладони, вставил туда лишнюю обмотку рукоятки ножа и в несколько слоев закрепил ее берестой. Он взмахнул получившимся копьем, поморщился – отдало в бок,

но остался доволен. Оттолкнув дернувшуюся на помощь руку, Мирослав поднялся, опираясь на копье, как на посох, и сделал несколько нетвердых шагов.

— Так, давай в тень, а то обгорел уже весь, красный как вареный рак. Нос облезет. Иди к ручейку, зальг там и посмотри, не выйдет ли кто водицы набрать. Завидишь человека, сразу ко мне. Да тихо отползай, что ты как лось в гончарной мастерской!

Ромка кивнул и тихо исчез в зарослях. Мирослав снова хмыкнул, подошел к дереву с голым стволом и большими стрельчатыми листьями, розеткой растущими в паре локтей над его головой, прицелился и несколькими ловкими движениями сбрил почти всю макушку.

Кряхтя и зажимая ладонью болезненное место, он отодрал от ствола длинную тонкую лиану, связал самые большие листья за черенки, накиннул на плечи и закрепил на животе. Он заметил еще одну пальму, которую через некоторое время постигла участь ее соседки. Воин собрал листья и принялся мастерить еще одну накидку для Ромки.

Пока ловкие заскорузлые пальцы бывалого человека привычно вязали мертвые узлы, мысли его витали в неприятных низинах мрака и непонимания. Люди, преследовавшие их в Европе, вдруг вынырнули в Новом Свете. В этом не было ничего удивительного. Английские шхуны бегают по морю быстрее пузатых испанских каравелл. Допустим, было легко сообразить, что Ромка и Мирослав приплывут именно на этом корабле, ведь на Эспаньола из Кадиса идет один или два в неделю. Но как они умудрились подвесить два пороховых заряда с обоих бортов так, чтоб никто, кроме Ромки, ничего не заметил?

Опытный вояка почувствовал болезненный укол самолюбия. Именно он должен был все предусмотреть. Именно он, а не сопливый байстрючонок, должен был спасти корабль от взрыва. Или хотя бы команду. А тут только промысел Божий прикрыл их от пламени сорванной крышкой люка и позволил остаться в живых. Это его совсем не устраивало. Он привык не плошать сам и не хотел надеяться на бога.

И наконец, самое неприятное. Он так и не знал, кто и почему хочет их убить. Зная, что супостаты и чья рука направила их на темное дело, можно прикрыть себя хоть с какой-то стороны.

Шхуны? Шхуны?! Британские шхуны?! Неужели здесь замешаны гордые сыны туманного Альбиона? Это кое-что объясняет. У британцев разгорается интерес к этим местам, а среди них есть комбинаторы похлеще князя Андрея Тушина.

Это во времена стародавние враги сходились в чистом поле, брали в руки мечи и в честном бою выясняли, кто прав, а кто нет. Сейчас честной схватке предпочитали яд, кинжал, удавку-гарроту или интриги, которые разрывают и будоражат даже двор великого князя московского, э... государя всея Руси, как теперь велено его называть. А в Гишпании или Хранции уже в отхожее место не сходить, чтоб это не расценили за политический ход и не попытались придумать на него какой-нибудь хитрый ответ вроде белладонны в вино или гадюки под простыню.

Последний узел завязан. Теперь можно и передохнуть. Он собрал оставшие листья, сложил из них некое подобие гнезда, лег, подтянул колени к ноющему животу, положил рядом копье, чтоб сразу можно было схватить, натянул на себя обе накидки и задремал под убаюкивающую мелодию ветра в листьях и тихий перезвон местных кузнециков.

Сон навалился сразу, тяжелый, без сновидений, и почти сразу оборвался. Чуткое ухо бывалого воина уловило шорох травы, сгибающейся под легкой поступью, скрип подошвы по корням и стихающую переключку птиц. Он открыл глаза, выпростал из-под листьев руку и сомкнул пальцы на хватистом древке.

Прежде чем Ромка вышел на поляну, Мирослав уже успел выпорхнуть из гнезда и спрятаться за кривым стволом с уродливыми наростами. Юноша огляделся, посмотрел вверх, присел, разглядывая примятую траву, потянул носом воздух и направился прямо к дереву, за которым притаился воин.

Сейчас он не смог бы сказать, зачем спрятался от юноши, то ли просто по привычке, то ли желая проверить его внимательность. Чтобы не быть найденным, он сам шагнул из тени ветвей на поляну и вопросительно вскинул брови.

– Дядька Мирослав! – возбужденно, но негромко затараторил юноша. – Я там людей видел. Двоих. Голых. На манер тех, что лодкой правили, когда бомбу на корабль цепляли. Они воды набрали и к деревне пошли.

– К деревне? – удивился Мирослав. – А откуда ты узнал про деревню?

– Так я проследил за ними почитай до самых домов. Там их десятка два. Лачуги какие-то. Палки в землю врыты, сверху крыша соломенная, а стен нету почти нигде. А еще там, посередине...

Мирослав снова, в какой уже раз за эти сутки выругался про себя. Ему совсем не верилось, что неопытный юноша мог идти за двумя детьми леса так, чтоб они его не заметили. А если заметили, но не подали виду, значит, наверняка готовят какую-то пакость.

– Пойдем, – тихо, но твердо сказал он и поудобнее перехватил копье. – Попробуем вдоль берега пробраться в сторону Эспаньолы. Авось корабль увидим.

– Так деревня же... – заупрямился было Ромка, но под суровым взглядом воина сник и поплелся следом.

– Надень, – не замедляя хода, протянул ему Мирослав накидку из пальмовых ветвей. – Через голову, дурень, да подвядись вот, – сунул он в ладонь Ромки кусок размочаленной лианы.

Легко поспевая за ослабевшим Мирославом, юноша покрутил накидку в руках, накинул на плечи, ловко подвязался.

– Дядька Мирослав, не понимаю я, чего мы бежим-то от них? Пришли бы в деревню, попросили воды и еды, как люди. Нешто отказали бы нам?

– Не знаю, как эти, а в Африке, ежели ты так в деревню придешь, то сам обедом станешь.

– Так правда, что там люди друг дружку едят?

Мирослав в ответ только кивнул.

– Не знаю. – Ромка поймал сбивающееся дыхание. – Африка-то вон где. – Он махнул рукой куда-то на восток. – А тут Аме-е-е-ерика.

Они вышли на небольшую прогалину, и злое солнце тут же вцепилось им в головы горячими когтями.

– Дикари везде одинаковые, – буркнул Мирослав, отдирая от своей накидки несколько листиков и скручивая из них подобие шляпы.

– Не знаю, – снова протянул Ромка. – Мне кажется... Ой! – Мирослав остановился так резко, что юноша чуть не ткнулся носом в его спину. – Что случилось?

Впереди между деревьями стоял человек. В тонкой мускулистой руке он держал огромную дубину, сплошь утыканную острыми осколками обсидиана – вулканического стекла. На его голове возвышался султан из ярких перьев, перьевая же вуалетка почти скрывала лицо. Видно было только, что нос и подбородок пронзают длинные заостренные щепки. По шее туземца вилось множество бечевок, на которых болтались звериные зубы, птичьи лапки, разноцветные камешки и большой медный гвоздь в зеленой патине. Тело его покрывали шрамы и рисунки, грубо наколотые костяной иглой. Талию обвивали куски растрепанного на волокна корабельного каната, но висели на них не амулеты, а фляжки, туески и глиняные кувшинчики. Ниже ничего не было. Срамное место аборигена было выбелено порошком, похожим на отсыревшую муку, и его тоже пронзал медный гвоздь, только покороче.

Ромка уставился на это чудо и даже рот разинул от удивления. Мирослав ступил перед ним, прикрывая, и угрожающе вскинул копье. Сзади зашелестело. Еще один?! Мирослав неуловимым скольльзящим движением развернул древко так, что оба конца копья смотрели

на врагов. Ничего, что один из них был тупым. При умении им можно отоварить не хуже, чем острым.

Еще шорох?! Еще?! Еще?!

«Все, пропали, – думал воин, поводя опасно поблескивающим лезвием из стороны в сторону. – Трое-четверо – еще туда-сюда, но два десятка – это много даже для меня».

Остальные туземные воины были одеты, вернее, раздеты, попроще вождя. Редко у кого за ухом торчали два-три цветных пера. Лица у всех были обезображены какими-нибудь «украшениями» – шрамами, мелкими косточками или деревянными веретенцами, воткнутыми в носы, щеки и брови под самыми немыслимыми углами. Амулетов и горшочков на поясах рядовых членов племени было не в пример меньше, да и срамные места оформлены поскромнее, но дубинки и копья с длинными наконечниками выглядели не менее угрожающе.

Аборигены не нападали, просто стояли и смотрели на ободранных израненных путников.

– Дядька Мирослав, чего это они? – сумел-таки совладать с подрагивающей челюстью Ромка. – Чего хотят-то?

– Шпагу достань, – прошептал ратник уголком рта. – Да не дергай. Медленно. И руку опусти. Если начнется, руби по ногам и голову пригибай, а я по верхнему уровню пойду.

Ромка поехал и медленно потянул из ножен, скрученных сыростью, чудом сохранившуюся шпагу.

– Что, так прямо и рубить? Взаправду?

– А ты как хотел? – обозлился Мирослав. – Понарошку?!

Туземцы зашевелились, расступились, и в созданный ими круг вошел приземистый мужчинка, живот которого размером и выпуклостью мог соперничать с квасным бочонком. Облысевшую голову толстяка прикрывало от солнца одно облезлое перо, на лице не было живого места, отовсюду торчали кости и щепки, кожа вокруг них лоснилась, будто смазанная лампадным маслом. Сопя и побряхтывая, он снял с плеча деревянную колоду, обтянутую грубо выделанной кожей, присел на землю, по-обезьяньи обхватил полено заскорузлыми ступнями с длинными грязными ногтями и достал из-за спины две толстые палочки, на которых были нанизаны черепа. Ромка моргнул, не поверив своим глазам! Да, черепа. Судя по форме, человеческие, а по размеру – детские?! Он аж поперхнулся и чуть не выронил оружие.

Не обращая ни на кого внимания, толстяк нежно погладил барабан по боку, отполированному множеством ладоней, и начал постукивать по нему своими ужасными палочками. Сначала совсем тихонько, потом все убыстряя и убыстряя ритм до скорости, с которой дятел долбит прогнивший ствол, выискивая толстых личинок.

Повинуясь ритму, аборигены стали вздрагивать всем телом, сначала почти незаметно, потом все сильнее и сильнее. Скоро стало казаться, что их бьет падучая. Ромка и Мирослав замерли, не в силах произнести ни слова. Они не могли оторвать взгляд от этого варварского обряда.

– Дядька Мирослав, чего это они? – спросил Ромка вполголоса. – Головами скорбны?

– Молятся, – уголками губ произнес Мирослав, озаренный внезапным пониманием. – Я что-то похожее в лесах за сарацинскими землями видал.

– А вы и у сарацинов были?! – повысил голос Ромка.

– Тихо ты, не сбивай. Люди не любят, когда им мешают обряд чинить.

Ромка замолчал и даже прикрыл ладонью рот. Аборигены меж тем довели себя до экстаза. Роняя с губ клочья пены и разбрызгивая капли пота, они подпрыгивали, высоко задирая колени, вскрикивали, некоторые падали и пытались грызть землю. Один вцепился зубами в свою палицу, оставляя на ней потеки крови из разорванных губ и десен. Толстый бара-

банщик закатил глаза и так самозабвенно колотил в свой барабан, что все его жирное тело ходило ходуном, как подтаявший холодец из бычьих хвостов. Воздух вырывался из могучего живота с пыхтением, перекрывающим рокот барабана и звон амулетов.

– Дядька Мирослав, а может, рванем? – не выдержал юноша. – Они уж в беспамятстве вроде.

Мирослав кивнул, внимательно оглаживая туземцев и выбирая парочку пожиже, чтоб можно было раскидать их как котят и скрыться чаще.

Дикий танец внезапно прервался. Барабан стих, и толстяк бессильно уронил руки. Не размыкая круга, туземцы повалились в траву на колени и замерли, словно перед иконой.

– Сейчас есть нас будут? – шепотом спросил Ромка.

– Сплюнь, – коротко ответил Мирослав.

Индейцы начали медленно подниматься на ноги, не распрямляя при этом почтительно изогнутых спин и постоянно кланяясь, доставая до земли кончиками пальцев. «Прямо как у государя на приеме», – подумал Ромка. Но при этом они продолжали следить за каждым движением путников, не опуская копий и дубинок.

– Они нас что, за важных людей принимают? – прошептал юноша.

– Бери выше – за богов, – мрачно ответил Мирослав. – Смотри, как стелятся. Матросы на корабле о том рассказывали. Гадость! – крикнул воин, не любивший раболепства.

Ромка молча кивнул, хотя особой гадости в происходящем и не видел. Несколько легконогих индейцев сорвались с мест и, не потревожив ни одной ветки, исчезли в зарослях.

– Может, если они нас богами считают, произнесем что-нибудь торжественное да пойдем своей дорогой? Жаль, пицаль потеряли, а то грохнули бы им на прощание, как Зевс греческий.

– Не выйдет. Пока они нам все почести не воздадут, не отпустят.

– А нам-то что? Мы ведь боги, – уже не таясь, в голос, спросил Ромка.

– Э нет, если ты их почести отклонишь, значит, не бог. Для них, во всяком случае.

– Как так? Раз я бог, значит, могу что хочу делать.

– Но ты ж не бог? – спросил Мирослав.

– Нет, – грустно согласился Ромка.

– А почему?

Юноша в ответ только пожал плечами.

– Потому! – наставительно произнес Мирослав, продолжая приглядывать за окружающими их аборигенами. – Ты знаешь, что не бог. Они думают, что ты бог, потому и кланяются, но если ты их разочаруешь... – Он выразительно качнул острием копья. – Поэтому стой и принимай все их знаки внимания, будто так и должно. Понял?!

Последние слова Мирослав произнес с такой злостью, что Ромка поежился. Затем, помня о словах наставника, он быстро вернулся в прежнее положение, подбоченился и выпятил подбородок. Мирослав сделал то же самое и даже немного опустил наконечник копья.

Послышался треск, и на поляну выскочили те туземцы, которые ходили в лес. Они несли что-то вроде небольшой, наскоро связанной лестницы. К двум длинным веткам был привязан десяток перекладин из ветвей потоньше.

– Лестница какая-то, – недоумевал Ромка. – А чего так ступеньки часто? Да и лезть-то по ней куда?

Аборигены подтащили сооружение поближе к ногам путников и замерли в почтительном поклоне.

– Дядька Мирослав, чего это они?

– Лезь, – злобно прошипел тот. – Усаживайся. – И подтолкнул юношу плечом.

Чуть не порезав колени о собственную шпагу, тот бухнулся прямо на жесткие перекладины. Мирослав, не опуская копья, медленно опустился рядом. Его бугрящиеся мышцами

ноги напоминали взведенные рычаги катапульт. Он в любой момент готов был вскочить и броситься в бой.

Ромка пожал плечами. Ему не случалось прежде играть роль бога или даже полубога, и все это начинало нравиться.

Туземцы поднимали носилки за длинные ручки и медленно, стараясь не качать и не задеть головами пассажиров за низко висящие ветви, двинулись по едва заметной тропинке. Толстяк занял место в самом конце процессии, неся на потном плече барабан и крича так, что испуганные птицы срывались с ветвей. Временами туземцы начинали петь какие-то заунывные песни и раскачиваться в такт мелодии.

Путники ехали молча. Ромка умудрился задремать, прикорнув на литом плече Мирослава, который погрузился в раздумья. Индейцы несли их в город или деревню, это понятно. Но вот зачем? Может, хотят съесть на африканский манер?

Он крепче перехватил копье и примерился к макушкам носильщиков. Четверых-пятерых он отправит к праотцам, но останется еще человек двенадцать, с которыми сладить будет ой как не просто.

То, что их считали богами, отнюдь не гарантировало безопасности. По опыту он знал, что для многих дикарей съесть богоподобное существо – значит получить его силу, ловкость и мудрость. Зная местные обычаи и владея языком, им, наверное, удалось бы повернуть ситуацию в свою сторону. Ладно, хоть не связали. При самом неудачном раскладе можно прихватить на свидание со всевышним парочку птиц высокого полета.

«Странная штука жизнь, – думал он. – Началась около суровых вод Белого моря, среди снегов и ледяных полей, и чуть не оборвалась в пасти белого медведя, но тогда обошлось. А закончиться все может у моря голубого, среди тепла, огромных цветов и невиданных зверей».

Чуткие ноздри воина уловили целый букет запахов. Кислый дух прогорклой соломы, на которой спали десятки немытых тел, вонь отхожих мест, дымок костров, ароматы приготавливаемой пищи. У Мирослава свело живот и потекли слюни. Он сообразил, что больше суток у него не было во рту маковой росинки. До процессии стали доноситься звуки большого поселения. Стук глиняных плошек, треск рвущейся материи, пронзительные вопли младенцев, суровые окрики матерей и звонкие шлепки по голым задкам.

Носильщики приободрились, прибавили ходу, и через несколько минут взору путника открылась небольшая прогалина, застроенная хижинами без стен. Стебли толстой травы были наброшены прямо на палки, вкопанные в землю. Кое-где между опорами висели большие циновки, сплетенные из той же травы, что и крыши, наверное, для защиты от ветра.

Мирослав легонько подтолкнул Ромку локтем в бок. Тот открыл глаза и долго тер их грязными кулаками.

– Чего? Приехали, дядька Мирослав? – спросил он.

– Тебе лучше знать, – ответил воин, внимательно оглядывая окрестности. – Ты тут бывал? Или не тут?

– Тут, тут. Точно, вон оттуда, из-за кустов смотрел, – оживленно зажестиковал Ромка. – Они как раз вот оттуда...

– Хватит, – рявкнул Мирослав. – Ты теперь бог, вот и ведай себя соответственно.

Ромка стрельнул в него обиженным взглядом, но больше ничего не сказал.

Весть об их прибытии разлетелась по деревне в мгновение ока, и жители стали сбегаться посмотреть на чудо. Сначала подходили только дети, потом к ним присоединились женщины помоложе и старухи, последними стали появляться мужчины, и скоро носилки словно плыли по людскому морю.

Мирослав сидел спокойно и отстраненно, а вошедший в роль Ромка смотрел гордо, как молодой петух, впервые вошедший в курятник не как цыпленок, а как взрослый кокет.

Посмотреть было на что. Большинство обитателей деревни составляли женщины лет пятнадцати – двадцати. Их прелести были едва прикрыты бусами и повязками из перьев. У каждой туземки было несколько десятков украшений, сделанных из корабельных гвоздей, цепочек, зеркал и прочей скобяной мелочи, не считая традиционных, вроде перьев, раскрашенных деревянных клинышков и косточек. Некоторые протыкали себе сразу обе губы или обе ноздри. Одна щеголяла чем-то сильно напоминающим расщепленную берцовую кость, проходящую через обе щеки. Еще у одной Ромка заметил две связки пуль в плетеных карманчиках, подвешенных прямо к соскам, отчего те оттягивались почти до пупа. Но молодых, симпатичных и не очень изуродованных было все же гораздо больше.

Кавалеры мало чем отличались от своих дам и в смысле украшений, и по комплекции. Они были узкокостны, широкозады, ноги у большинства были кривые и тонкие, а через поясные ремни свисали круглые животики. Толпа наседала. Носилки опасно раскачивались, и несколько раз Мирославу приходилось придерживать Ромку за ворот, чтоб он не вывалился под ноги беснующейся толпе. От воплей закладывало уши, а от вони, исходящей от сотни немытых тел, резало глаза.

Носильщики раздвигали людское море, как корабли – набегающие волны. Кто-то упал под ноги толпе, и его крики быстро затихли в общем гвалте.

Ромке стало не по себе. Роль бога, торчащего на шатающемся помосте, ему уже надоела. Парню очень хотелось оказаться на твердой земле, вдали от вони и безумия аборигенов.

Процессия тем временем вылилась на площадку. В самом центре вытоптанного круга возвышался камень со стесанной верхушкой и выбитым посередине углублением. По краям были вырезаны какие-то иероглифы, покрытые бурными подтеками самого неприятного вида. Вокруг на шестах колыхались мужские штаны. Здесь были и бархатные панталоны знатного дворянина, и дерюжные портки простого моряка – драные, потасканные, с огромными дырами и махрой обтрепавшихся штанин. Вокруг горели костры, над которыми жарились огромные куски мяса. Его никто не переворачивал, потому сверху на них еще вскипали пузыри жира, а низ потихоньку превращался в головешки. Чуть поодаль в кучу был свален разнообразный хлам, очень похожий на обломки корабля.

Вот, значит, куда подевались вещи, прибитые к берегу ночью. Аборигены собрали все до последней доски. А где тела?

Ромка оглянулся на Мирослава и заметил, что тот во все глаза смотрит на мясо и будто не может чему-то поверить.

– Дядька Ми... – начал он и осекся, заметив, что один из кусков сильно напоминает человеческую руку, а другой похож на верхнюю часть ноги.

Ромку, через край нанюхавшегося немытых тел, чуть не вывернуло наизнанку от сладковатого запаха, идущего от костров. У него закружилась голова, если бы не Мирослав, он наверняка свалился бы под ноги аборигенов.

– Держись! – зло зашипел ему в ухо воин. – А то сам на вертеле окажешься.

Угроза подействовала. Юный граф подавил рвотный позыв и снова выпрямился на носилках.

Туземцы-воины принесли их к разделочному камню и опустили на землю. Растолкав особо ретивых соплеменников, они окружили носилки живым кольцом и замерли неподвижно, как в почетном карауле.

Мирослав поднялся, держа свое копье острием вверх, не то чтоб угрожающе, но так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что он готов без промедления пустить его в ход. Ромка встал гораздо медленнее, разминая затекшие ноги и стараясь, чтобы его не коснулись грязные руки аборигенов, со всех сторон тянущиеся сквозь живой забор.

Минуты две ничего не происходило, потом толпа дрогнула и раздалась в стороны. Воины из оцепления тоже подвинулись, образуя проход от края площади к алтарю. В этот

проход медленно всплыла огромная птица. Ромка даже сморгнул, пытаясь отогнать морок, но тот не хотел исчезать. Приглядевшись внимательней, он понял, что это человек, на плечи которого наброшена накидка из сотен тысяч разноцветных птичьих перьев, подобранных так, что они действительно напоминали рисунок, созданный природой. На голову человека-птицы была надета шапка, так же густо усеянная перьями, но другого – серо-коричневого – цвета. В руке он нес грубо вытесанную каменную чашу и огромный нож из вулканического стекла, вставленный в блестящую красно-желтую рукоятку, местами позеленевшую от патины. За ним цаплями вышагивали два рослых воина, одетых победнее. Накидки из перьев покрывали только их мускулистые плечи, да за каждым ухом торчало по серому совиному перу. Медленно и торжественно двигались они по проходу. Туземцы падали перед ним ниц, а те, кому упасть не позволяла теснота, почтительно склоняли головы.

– А вот и ангел пожаловал, – нервно хихикнул Ромка.

Мирослав только покачал головой, но поднял наконечник копья и приосанился. Ромка тоже выпятил грудь и по привычке попытался одернуть манжеты, но вспомнил, во что превратилось тонкое кружево его рубахи, и спрятал руки за спину.

Не доходя нескольких шагов до путешественников, напряженно ожидающих своей участи, человек-птица остановился, внимательно всмотрелся в лицо Ромки, потом смерил взглядом Мирослава, провел рукой по его выпуклой груди и что-то сказал на наречии, похожем одновременно на клекот сокола и лай простуженного пса. Ромка чувствовал, что волосы на его руках и спине встают дыбом, как перед сильной грозой.

Один из помощников жреца шагнул вперед и ухватил Мирослава за каменно бугрящийся бицепс. Тот, не поворачивая головы, двинул плечом, и пальцы соскользнули. Туземец схватил русича двумя руками. Почти неуловимым движением воин ударил его черенком копья по голени, а острием под подбородок, но не в мякоть гортани, а по челюсти. В черепе наглеца что-то хрустнуло, и он столбом повалился назад, разбрызгивая вокруг капли крови из рассеченного подбородка.

Второй помощник бросился вперед и тут же получил короткий тычок пониже грудины. С шипением выпустив воздух из легких, он медленно осел к ногам человека-птицы, хрипя и суча согнутыми ногами. К путешественникам потянулись тысячи рук.

Мирослав схватил оторопевшего человека-птицу за кожаное кольцо, к которому крепились перья, дернул, разворачивая вокруг своей оси, приставил к его горлу острие копья и чуть надавил. Такой язык любому понятен без переводчика. Человек-птица заклекотал, замахал руками-крыльями, отгоняя соплеменников.

– Дядька Мирослав, – пролепетал Ромка, за время скоротечной хватки не успевший даже сдвинуться с места. – Чего теперь делать-то?

– Не знаю, – мрачно ответил воин. – Попробуем, может, к берегу... А ты смотри, чтоб ко мне со спины не зашли.

Ромка кивнул, вытащил шпагу, сделал пару пробных взмахов и попытался нагнать на лицо такое же суровое выражение, как у Мирослава. Наверное, его гримаса получилась скорее жалкой, чем воинственной, но хватило и этого. Толпа качнулась назад.

– Готов? – бросил Мирослав через плечо. – Пошли.

Они медленно двинулись сквозь толпу. Перед Мирославом, еще сильнее прихватившим за горло жреца или вождя племени, толпа расступалась. Она смыкалась за Ромкой, как река за льдиной, и с каждой секундой свободное пространство становилось все уже. Юноша понимал, что если туземцы нападут, то первым отдаст богу душу именно он. Пульс, стучащий в его висках, заглушал невнятный угрожающий ропот множества людей. Пот ручьями стекал по собранному в складки лбу.

Мирослав надавил на горло человека-птицы сильнее, тот снова заклекотал, замахал руками, но на толпу это уже не действовало. Наконечники копий стали опускаться, выискивая уязвимые места на телах пришельцев.

Ромка понимал, что первый же удар с любой стороны спустит с цепи демонов кровавой бойни, но выхода не было. Он уже представлял себе, как протыкают его тело обожженные на костре палки, как мозжат голову острые камни, как ломают его кости тяжелые дубинки.

В громкий шум влился еще один голос, глубокий и властный. Таким читают проповеди с амвона и поют гимны на праздничных мессах. Он легко перекрыл ропот толпы и заглушил отдельные выкрики, убеждал, успокаивал, приказывал. Ромка не понимал ни слова, но был уверен в том, что кто-то убеждает туземцев их не убивать. Только бы получилось!

Вроде получилось. Индейцы отступили, образовав вокруг путешественников широкий круг. Мирослав ослабил хватку на горле человека-птицы, а Ромка с облегчением опустил шпагу и стал искать глазами спасителя.

Тот обнаружился довольно быстро. Высокий мужчина в траченном временем, но богатом одеянии растолкал толпу, вошел в круг, раскинул руки в стороны и сказал что-то такое, от чего многие аборигены попадали ниц, как давеча перед человеком-птицей.

Ромка всмотрелся в его лицо и обомлел. Своим худым востроносым лицом он никак не напоминал туземца. Скорее это был испанец.

Мужчина наклонился к ним и быстро заговорил вполголоса по-испански.

– Ромка, – тихо позвал Мирослав. – Что он бормочет-то?

– Говорит, чтобы вы отпустили этого человека и воздели руки, как он.

Мирослав помялся немного, посмотрел в искаженные злобой лица дикарей и решил, что терять все равно нечего. Он разжал пальцы и раскинул руки в стороны, став очень похожим на распятого Христа. То же самое сделал и Ромка. Дикари, начавшие было вставать с земли, снова пали ниц.

Сообразив, что по-испански понимает только юноша, спаситель наклонился к Ромке и заговорил быстро, проглатывая от возбуждения окончания слов:

– Запомните – вы белые боги с востока. Такие же, как я. Ведите себя величественно и надменно. Смотрите свысока. Улыбайтесь. Если будут угрожать или просто подойдут слишком близко, суйте руку в панталоны и шевелите там пальцами со всей возможной силой. Да не смотрите на меня так, я в здравом уме. И другу своему объясните.

Ромка быстро перевел сказанное. При упоминании о панталонах брови Мирослава взлетели вверх, но больше он ничем не выдал своего удивления. Еще несколько минут трое европейцев стояли истуканами около жертвенного камня, потом священник раскинул в стороны руки, что-то прокричал на незнакомом языке и двинулся прямо сквозь толпу. Аборигены покорно расступились. Ромка и Мирослав поспешили за ним, стараясь не уронить своего достоинства и гадая, придется ли лезть в штаны или обойдется. Обошлось.

Через несколько минут они были у самой большой хижины, стоящей в центре деревни. Монах нарочито медленно и торжественно повесил циновки на все четыре проема, тяжело выдохнул и привалился спиной к столбу.

– Да, дети мои, – проговорил он на испанском, отирая рукавом лоб. – Заставили вы меня попотеть. Но слава Иисусу и Деве Марии, все позади. – Он мелко перекрестился.

У Ромки вытянулось лицо. Очень уж этот церковный говор и крестное знамение плохо вязались с внешностью их спасителя. Разве что голос... Мужчина угадал его мысли.

– Позвольте представиться. Херонимо де Агильяр, монах-францисканец. Путешественник и исследователь этих мест. Правда, не совсем по своей воле. – Он грустно улыбнулся.

– Дон Рамон де Вилья. – Ромка отвесил изящный полупоклон и, как учил князь Андрей, подставил голову.

Новоявленный священник скорее по привычке, чем по долгу осенил его крестным знаменем.

– Святой отец, а где ваша сутана, что вы делаете в этом месте и почему нас спасли?

– Почему спас – это понятно. Христианское сострадание. Тем более что вы мои соплеменники, хотя не могу сказать, что ко всем ним я отношусь с одинаковой теплотой и смирением.

– А почему они хотели нас убить?

– Не убить, а принести в жертву богам. Вы оба, особенно вот этот человек, – он указал на Мирослава, сохраняющего мрачное молчание, – похожи на великих воинов и посланцев богов. К сожалению, чужих. А такая жертва должна очень сильно порадовать их бога.

– Да что ж это за бог такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.